

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ЦИФРОВОЙ
ШКВАЛ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Цифровой шквал

«Автор»

2010

Самаров С. В.

Цифровой шквал / С. В. Самаров — «Автор», 2010 — (Спецназ ГРУ)

Активность американских спецслужб на территории Грузии продолжает нарастать. Теперь они задумали высокотехнологические эксперименты над людьми. Новейшая электронная «пушка» воздействует и на сознание людей, и на цифровые системы компьютеров, выводя их из строя. Экспериментальным полем определена Южная Осетия. Но американцам невдомек, что разработками в этой же области давно и небезуспешно занимается Россия – и тоже в Южной Осетии. А значит, столкновение интересов неизбежно. Американцы хитры и отлично подготовлены, они вот-вот нанесут неожиданный удар. Но российских специалистов прикрывает группа офицеров спецназа ГРУ...

© Самаров С. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	17
ГЛАВА 1	17
ГЛАВА 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Самаров

Цифровой шквал

ПРОЛОГ

Чтобы попасть в свой кабинет, руководителю проекта «Цифра» профессору Максимилиану Сибелиусу требовалось пройти через общий рабочий зал, где за компьютерами сидели научные сотрудники лаборатории. И сразу за дверью общего зала он чуть не столкнулся с улыбающимся после какого-то разговора с молодой темнокожей сотрудницей капитаном Уэйном. Капитан вообще любил общаться с темнокожими сотрудницами, и эту слабость заметили все, даже несмотря на малый срок пребывания капитана в лаборатории. А руководителя проекта подобное поведение Уэйна даже слегка раздражало.

– Вы еще здесь? – в голосе профессора Сибелиуса послышалось откровенное недовольное удивление.

Он всегда хорошо владел своим голосом и, когда следовало, умело им пользовался, явственно показывая и одобрение, и недовольство, и удивление, и презрение, и любые другие эмоции; при этом радовался, когда наблюдал ответную реакцию, и, напротив, сердился, когда реакции не видел.

– Я уже вернулся, сэр... – Капитан, одетый в полевую форму, вытянулся, как положено вытягиваться военному человеку в присутствии старшего по званию. Имел Сибелиус воинское звание или нет, этого Уэйн не знал; тем не менее профессор был руководителем проекта, и капитан своими глазами видел, как при его появлении вытягиваются по стойке «смирно», как перед генералом, полковники, и потому сам поступал так же, как они. Хотя никакого испуга не выказал и даже переглянулся с темнокожей сотрудницей.

– Что-то не так? – спросил Сибелиус, еще больше сердясь.

– Мы изначально выбрали неудачное место, сэр. Слишком много деревьев. И ветер сегодня сильный. С моря дует. Ветер в секвойях шумит, создает фон. Я не стал даже оборудовать выставку. Действовал, согласно подписанной вами инструкции...

– Какой силы ветер?

– Около десяти метров в секунду. Порывами бывает до восемнадцати...

– Пятнадцать – максимальный предел, – вынужден был согласиться профессор.

– Кроме того, мешают шум секвой.

– Согласен, результата не будет. А кто выбирал место?

Конечно, руководителю проекта позволительно не знать таких мелочей. Ему позволительно даже не узнавать большинство подчиненных. Их много, а руководитель проекта один, и голова у него загружена самыми разными проблемами, тогда как у каждого из подчиненных проблемы только свои.

– Не могу знать, сэр. Меня включили в эксперимент, когда задание уже было сформулировано.

Это было не совсем так. Вернее, совсем не так. Задание действительно было сформулировано, но капитану Уэйну, когда он прибыл в распоряжение руководителя проекта в качестве помощника и командира испытательной группы, при передаче дел предложили три участка, почти одинаковых по профилю, и он выбрал тот, что был ближе, чтобы не трястись по бездорожью, которое он терпеть не мог. Однако руководителю проекта и это тоже позволительно не знать. И потому Уэйн чувствовал себя спокойно, делая заявление такого рода.

– Ладно, попробуем завтра.

– Бесполезно, сэр.

– Почему?

– Если ветер с моря, это на три дня. Мне так сказали местные жители. В это время года всегда так бывает.

– Значит, попробуем через три дня. – Профессор ответил уже с сильным раздражением, и тем не менее капитан не смог избежать искушения бросить в очередной раз взгляд в сторону темнокожей сотрудницы. Сибелиус и сам на нее посмотрел, но вкус капитана не одобрил – кроме фигуры, сотруднице похвастаться было нечем. – Новые сводки есть?

– Должны вот-вот принести диски, сэр. Я звонил шифровальщику, предупредил, что уже вернулся. Он получил и расшифровал, сейчас отправит...

– Как только будет что-то по Ираку и по Афганистану, сразу перебрасывайте данные ко мне на компьютер. Я жду этих сводок.

– Есть, сэр. Все перебрасывать не нужно?

– Если понадобится, я затребую...

Капитан щелкнул каблуками и ушел, а профессор Максимилиан Гай Сибелиус, проводив его взглядом до двери, зашел в свой кабинет, еще раз посмотрел на темнокожую сотрудницу, что привлекла внимание Уэйна, потом задернул шторку на стеклянной перегородке и сел к компьютеру. Профессор, как обычно, работал сразу на двух мониторах, чтобы иметь возможность сравнивать два результата испытаний или же состоявшийся результат с предполагаемыми показателями. Так было нагляднее, и так он привык работать. Конечно, можно было бы поставить один большой монитор, и кому-то это казалось более удобным, но перетаскивание окон из одного угла в другой всегда раздражало Сибелиуса. Перетащить то же окно с монитора на монитор казалось ему более предпочтительным.

Пока компьютер загружался, профессор размышлял над причиной своего сегодняшнего раздражения. Конечно, найти реальную причину всегда бывает чрезвычайно сложно, тем не менее, если это удастся, раздражение уходит только от одного осознания и небольшого анализа. А в раздраженном состоянии и работать труднее, и контактировать с сотрудниками тоже не просто. Даже тот же капитан Уэйн сегодня чрезвычайно раздражает. Хотя он вовсе и не виноват в том, что ветер дует с моря и что шумят на ветру великаны-секвойи.

Перебрав в хронологическом порядке все события нынешнего утра с самого момента пробуждения, Сибелиус не нашел никакой видимой причины для плохого состояния духа.

Едва компьютер загрузился, как определитель всплывшим с панели окном показал пополнение файлов, пришедших с сервера. Наверное, капитан Уэйн переслал отчеты одновременно с загрузкой компьютера. Открыв первый файл, профессор убедился, что это как раз то, что ему в настоящий момент было нужно. И сразу разместил на левом, ближнем мониторе, который он считал рабочим, только что полученный отчет из Ирака, а на правом мониторе, вспомогательном, открыл сразу два окна: в первом для наглядности отчет месячной давности, во втором базовые расчетные данные по программе испытаний. То есть чего от испытаний генератора ждали изначально, что удалось получить в прошлом месяце, какие сдвиги произошли за последний месяц...

Но до того, как начать сравнительный анализ, он прочитал вводную часть отчета, чтобы иметь представление об обстановке, в которой проводились испытания, и быть готовым к анализу конечного результата. А обстановка там, на месте, была, несомненно, очень сложная, потому что противостоять предстояло одновременно многим величинам, включающим и местные власти, и даже непосвященное американское командование, и уж тем более командование войск союзников, которое всегда мешалось, и это противостояние в случае провала грозило вылиться в крупные неприятности политического характера. Впрочем, с последними, кажется, все пока улажено. По крайней мере, в отношении местных властей можно быть спокойным, поскольку им в случае успеха обещана передача опытных образцов. Местные власти после такого заверения даже стали помогать информацией. Но в целом необходимо было работать

так, чтобы расценивать разглашение как смертный приговор самому себе. О смерти, конечно, разговор не заходил, как и о наказании, но профессор Сибелиус инструктировал сотрудников перед отправкой на места именно так. Они, кажется, поняли. Серьезных провалов пока не было...

* * *

Бронированный тяжелый «Хаммер» проехал по узкой улице, раздавив сразу за углом несколько ящиков из тонких дощечек, лежащих пусть и не посреди дороги, но и не вплотную к стене. А что делать, если улицы здесь такие, что объехать преграду невозможно, не задев глиняного забора на противоположной стороне. Не следовало проезжую часть загромождать.

Сразу после этого мелкого инцидента из-за кривой, готовой вот-вот сорваться с петель калитки выскочила женщина с лицом, закрытым хиджабом, что-то истерично закричала вслед машине, пригрозила двумя кулаками и стала быстро собирать в бумажный многослойный мешок то, что высыпалось из ящиков и осталось недодавленным. Экипаж же бронированной машины, имеющий монитор, на который с камеры выводилось все, что происходило сзади, этого не заметил, как не заметил женщину. Экипаж, впрочем, в этой машине сильно отличался от обычного военного патруля, и не только численностью. Даже водитель, хотя и носил полевую форму армейского сержанта, был с почти интеллигентной козлиной бородкой, которую среди людей военных не часто встретишь. А человек в военной форме, но без знаков различия, что сидел на командирском месте справа от водителя, носил широкую, как лопата, бороду с проседью. На заднем сиденье, лицом к борту, устроился еще один бородач, в гражданском. Он держал руки на двух джойстиках и рассматривал мониторы множества приборов, что окружали его. Броня вместо стекол и затемненные смотровые щели не позволяли взгляду снаружи проникнуть в «Хаммер» и отличить его от обычной патрульной машины, к которым жители Басры уже давно привыкли.

– Кажется, мы не туда едем, – всматриваясь в смотровую щель, вместо того чтобы смотреть в водительский монитор, посетовал козлобородый водитель. Он явно не привык к вождению этой бронированной машины, не чувствовал габаритов, не умел ориентироваться в условиях ограниченного визуального наблюдения и потому ощущал себя неуверенно, постоянно считая, что едет не туда. И никак не мог привыкнуть к боевой технике, несмотря на то что носил сержантский мундир.

– Ты, Смит, в «навигатор» хотя бы иногда посматривай... – сердито заметил тот, что сидел в командирском кресле, и провел ладонью по небольшому сенсорному монитору «навигатора», стирая с него слой пыли всей шириной ладони, чтобы не нажать на сенсорные устройства пальцем и не подать ненужную команду. Впрочем, это было бесполезным занятием, потому что через минуту пыль снова сядет на все приборы.

– Что толку с «навигатора», Джефф, – посетовал козлобородый Смит, часто моргая от обильного пота, что заливал ему глаза. – Этих закоулков ни на одной карте нет... А в режиме on-line я ничего не успеваю увидеть. Буду смотреть в «навигатор» – обязательно кого-нибудь задавлю или угол дома сворочу к чертям собачьим...

– Следует учиться...

– Ты, командир, сам на такой слепой технике ездить пробовал? Попробайся на досуге. Только предупреди заранее, чтобы все загодя разбежались.

– Хоть в батальоне водителя проси... – вздохнул командир, не желая брать на себя обязанности водителя.

– А мои приборы показывают, что мы приближаемся к объекту, – сказал третий бородач. – Может, не по той улице, но едем все равно в нужную сторону. Вторая машина находится

уже на месте, ждет сигнала. Я ее через спутник вижу... Стоит на подъезде к площади с противоположной от нас стороны. Позиция правильная, насколько я понимаю.

– Мы не опаздываем? – спросил командир.

– Запас времени около пяти минут.

– А автобус быстрее проехать не сможет?

– Сможет только медленнее. Я просчитывал самый быстрый из возможных вариантов...

– А часы у тебя правильно идут?

– Которые из них? У меня девять мониторов, на каждом часы, и каждые через сеть синхронизированы с Гринвичем.

– Тогда о чем спор? Едем!

«Хаммер» между тем и не думал останавливаться, хотя и не развивал скорость, которую мог себе позволить даже при своих нескромных размерах. Но Смит ехать быстрее опасался, потому что не привык наблюдать за дорогой в монитор, а смотровая щель информативностью не отличалась и мало что могла показать, так как имела со всех сторон множество «мертвых зон». Неспособность водителя видеть, что происходит за бортом машины, проявилась еще раз уже при выезде на магистраль, ведущую к площади с каким-то длинным названием, которое никто из участников эксперимента не мог запомнить. При повороте козлобородый водитель не увидел человека, стоящего рядом с тротуаром и держащегося за руль велосипеда. Человек успел отскочить, но по переднему колесу велосипеда проехали бронированные шины «Хаммера».

– Кажется, кого-то задавил... – равнодушно, если не с удовлетворением, сказал козлобородый Смит.

– Только велосипед, – чуть не с сожалением констатировал Джефф. – Велосипедиста сквозняком сдуло.

Так и не остановившись, автомобиль проследовал дальше. Теперь путь лежал по более оживленной и широкой дороге, имеющей по три полосы движения в каждую сторону.

Дорога вела к площади. Люди шли туда же. На площади должны были проводить митинг шииты. Сунниты, как обычно бывало, должны были им помешать. Информацию об этом американцам дали местные власти, и потому вокруг площади концентрировались спецмашины иракской полиции и армии. Здесь же было и несколько американских машин. Но, в отличие от первых дней войны, на армейские машины уже никто не вывешивал звездно-полосатые флаги. С тех пор иракским силам безопасности было передано много американской техники, и потому сразу разобрать, где чья машина устроилась, было невозможно. Только один Холдрайв, третий член экипажа испытателей, мог определить свой автомобиль по показаниям приборов. Он и определил.

– Порядок, Смит, вторая машина на противоположной стороне. На тротуар заехала... Тоже ищи место, где приткнуться.

Долго искать место не пришлось, поскольку в Ираке даже в больших городах мало автотранспорта. Здесь даже запрещающих знаков практически нет. Ну, разве что «Движение запрещено», но и на него мало кто обращает внимание. Значение имеет только тяжелый шлагбаум, перекрывающий в отдельных местах дорогу. Но тот же шлагбаум привлекает к себе террористов. Логика простейшая: если стоит шлагбаум, значит, здесь есть что взорвать... И кого взорвать, тоже найдется. А уж если спрашивать про тех, кому взрывать, то таких в Ираке полным-полно...

Включив по привычке сигнал поворота, Смит свернул вправо и заехал правым передним колесом на бордюр. Машина встала слегка с наклоном.

– Ровнее! – строго приказал Джефф, и козлобородый водитель сразу выполнил приказ. Он сам знал, что машина в идеале должна стоять прямо, так легче будет выставить по электронному уровню излучатель генератора.

Сам Джефф поставил на колени ноутбук и протянул за левое плечо соединительные кабели. Холдрайв сразу принял их, вставив каждое соединение в соответствующее гнездо. Смит тут же придвинул ближе к себе подвижную шарнирную консоль, на которой крепился один из мониторов, снабженный двумя джойстиком, – это вся его система управления. Холдрайв стал выстраивать по электронному уровню излучатель генератора.

Ни один из троих не глянул в смотровую щель. Их и не интересовало, что происходит на улице. Не интересовало до определенного момента. Этот момент настал вместе с поступившим сигналом:

– Я – Третий, вызываю Первого и Второго, – сообщил из своей машины наблюдатель.

– Я – Первый. На связи, – отозвался Джефф.

– Я – Второй. На связи, – подал голос командир второй испытательной машины, мало-разговорчивый Санстрем.

– Автобус с шиитами проследовал в сторону площади. Стекла тонированные, увидеть что-то сложно.

– Нам тонировка не мешает, – сказал Джефф. – Хотя понаблюдать хотелось бы... Второй, включаю синхронизацию управления!

– Понял, – отозвался Санстрем.

– Поймал вторую волну, – сообщил Холдрайв. – Синхронизируй, Джефф...

– Сделано. – Глядя в монитор ноутбука, Джефф набрал команду из трех знаков и дал «ввод» на автоматическое управление синхронизацией. – Выставляем частоту... Второй – сто двадцать герц, Первый – сто двадцать пять...

– Готово, – доложил Санстрем.

– Готово, – вслед за ним доложил Холдрайв.

– Смит!..

– Жду. Еще метров двадцать. – Козлобородый Смит, держа руки на джойстиках, смотрел в монитор, напрямую связанный с камерой внешнего обзора. Она показывала улицу, на которой стояли испытательные машины, и автобус,двигающийся в сторону площади.

Согласно информации силовых структур, автобус должен был быть битком набит суннитскими боевиками, планирующими устроить беспорядки во время митинга. Конечно, с большим наплывом шиитов эти сунниты справиться не смогли бы. Но они умышленно подставляли себя, чтобы вмешались их сторонники, ждущие точно в таких же автобусах по периметру площади.

– Есть прицел, – доложил Смит. – «Прилипаю» к первому стеклу...

– Включаю! – сказал, как пригрозил, Джефф и нажал на ноутбуке «Enter».

Над головой и в приборах Холдрайва послышалось сильное жужжание. Генератор начал работать, и излучатель, зацепившись волной за первое стекло, держался там, куда указывал ему прицел на мониторе Смита. Вторая волна, направленная из машины Санстрема, упиралась в противоположное стекло автобуса. Автоматическая синхронизация гарантировала, что звуковые лучи идут навстречу один другому. Внешне ничего не происходило, но испытатели знали, что стекла автобуса в этой обстановке работают, как мембраны, принимающие излучение генератора. А разница в мощности волны одной и другой машины создавала внутри автобуса бинауральные волны. В этой ситуации, получая с двух сторон один и тот же сигнал с разной частотой, мозг пассажиров должен синхронизировать работу правого и левого полушарий. Как результат такой синхронизации – сильнейшая активация участков коры головного мозга, отвечающих за удовольствия. Пассажиры, по большому счету, должны испытывать чуть ли не любовь и нежность к окружающим врагам. К сожалению, продолжительность сеанса введения «цифрового наркотика» в мозг пассажиров автобуса была слишком кратковременной, чтобы быть уверенным в конечном результате; кроме того, сам «цифровой наркотик» обычно вводится в мозг через наушники вместе с музыкой. Но стекла автобуса, выполняя роль звуко-

вой мембраны, согласно замыслу профессора Максимилиана Сибелиуса, должны были усилить влияние сдвоенной волны. Профессор посчитал, что в автобусе создается камерный эффект и наушники не потребуются.

– Перевожу на второе стекло... – доложил козлобородый Смит и вытер рукавом пот со лба.

– Делай.

Автобус медленно продвигался и временами сигналил, требуя, чтобы пешеходы уступили ему дорогу. Но они делали это лениво и неохотно, и потому у испытателей была возможность работать неторопливо.

– Перевожу на третье стекло.

– Делай.

Прицел на мониторе выглядел слегка зловеще и мог напугать постороннего наблюдателя, поскольку даже ребенку известно, что прицелы ставятся на оружие. Но в «Хаммере» не было посторонних наблюдателей, а сами испытатели знали, какого результата поможет им добиться этот прицел. Впрочем, они не смутились бы и иным результатом. Лишь бы он был...

Всего в автобусе с каждой стороны было по шесть боковых стекол. Прицел, управляемый двумя джойстиком Смиа, поочередно переползал с одного на другое.

* * *

«Покинув автобус, непонятно чему улыбающиеся сунниты рассеялись в толпе шиитов и стали наблюдать за митингом. Выделить их по каким-то действиям было невозможно. Никаких попыток провокаций отмечено не было. В отсутствие провокаций другие суннитские боевики оставались в своих автобусах и в ситуацию не вмешивались. Однако убедительных доказательств действия бинауральных излучений не получено, поскольку у нас нет данных о реакции руководителей суннитской общины Басры на бездействие своих боевиков. Никаких официальных заявлений сделано не было, хотя традиционно сильные в Басре сунниты обычно всегда стараются тем или иным способом напомнить о себе. Исходя из этого, можно предположить отсутствие какой-то общей команды к действию или что-то другое, что заставило суннитов изменить свои намерения, хотя это тоже необязательно. Одновременно нельзя утверждать, что бинауральные волны не оказали своего действия, поскольку проследить полностью первоначальные настроения пассажиров автобуса с суннитами возможности не представлялось».

Так завершилась вводная часть отчета, которую руководитель проекта прочитал дважды, чувствуя, как упрямо, по крутой нарастающей линии, усиливается его раздражительность. Дальше в отчете шли таблицы и графики, которые предстояло сравнить.

Профессор Сибелиус откинулся на спинку кресла и вздохнул.

Это уже третьи полевые испытания нового генератора, и в третий раз данные, хотя и являются, может быть, положительными, не становятся доказательными. Подобное положение вещей, честно говоря, уже начинало раздражать. В принципе, профессор – вроде бы не без оснований – после изучения результатов лабораторных опытов надеялся на скорейший прорыв в теме. Но прорыва пока не получалось. До него считалось, что такое общеизвестное дело, как «цифровые наркотики», возможно вводить в мозг только посредством наушников. Сибелиус, умея мыслить альтернативно, посчитал, что мощные мембраны, каковыми могут являться, например, противоположные стекла салона автобуса, вполне в состоянии не только передать, но и усилить влияние. Но выкладки профессора после лабораторного успеха требовалось еще доказать опытным полевым путем, когда нет идеальных условий, нет специально подобранных помещений и испытанных мембран. И опытный путь после трехмесячного периода пока выглядел бездоказательным.

Подумалось, что не зря с утра испортилось настроение. Подобное притягивается подобным, как писал в своих знаменитых «Изумрудных скрижалях» Гермес Трисмегист. Профессор предчувствовал, что нынешний месячный отчет не будет отличаться от предыдущего и докладывать об успешном полевом испытании рано, хотя руководство такого доклада требует. Сибелиус даже кресло отодвинул от стола. После такой вводной части и таблицы сравнивать не хотелось. Но сделать это необходимо в любом случае. Хотя бы для того, чтобы проверить, не совершили ли где испытатели ошибки. Потому что именно ошибка могла бы стать причиной, по которой не удалось получить конкретные данные. От ошибок никто не застрахован, и видеть их – дело руководителя и генерального автора проекта.

И Сибелиус, повернувшись ко второму монитору, усилием воли включился в работу.

* * *

Внимательно и с чувством ответственности, всегда ему присущим, профессор проверил все параметры, но ошибки в работе испытателей не нашел. Диаграмма работы приборов ни разу не вышла за пределы допустимого диапазона, уровень звука полностью вписывался в определяемые величины. И даже количество децибел, исходивших от толпы на площади, было в пределах допустимой нормы. Настроение еще более ухудшилось. При подобном раскладе кто-то может сказать, что в своих расчетах сам Сибелиус был изначально неправ. Грамотные оппоненты у него были с самого начала работы над проектом, и они по-прежнему имеют право голоса, хотя решают все, конечно же, не ученые головы, а специалисты спецслужб, которым такая аппаратура крайне необходима. Обсуждение будет нелегким. И, разумеется, обязательно найдется человек, который именно так и скажет, что Сибелиус ошибался изначально, и никакая внешняя мембрана не в состоянии заменить наушники, следовательно, не стоит бросать деньги на ветер. Но на оппонентов Максимилиан привык не обращать внимания. Вообще, честно говоря, положение сложное, поскольку нет ни положительного, ни отрицательного результата. Для самого автора проекта – сложное. По крайней мере, если бы был отрицательный результат, уже все закончилось бы, а сейчас придется добиваться очередного лонгирования в финансировании проекта.

Возможность все разрешить единым, как говорится, ударом есть. Но использовать такой вариант профессору категорически запретили. Можно было бы подобрать иной диапазон инфразвуковой волны и вызвать у пассажиров того же, скажем, автобуса вместо благодушия приступ ярости. И пусть эти шииты с суннитами дерутся там, у себя на площади, пусть взрывают и расстреливают друг друга. Максимилиана Гая Сибелиуса это волновало бы меньше всего. Но у спецслужб была необходимость иметь приборы, вызывающие именно благодушие и эйфорию. Профессор был проницательным человеком и понимал, для чего нужен такой странный заказ. Естественно, это заказ не армейский. Благодушие противника желали бы видеть представители правительственного антитеррористического комитета и Федерального бюро расследований. В самом деле, с таким прибором будет гораздо проще добиться положительного результата в любом случае с захватом заложников. И потому эта тема считалась важной.

Но деятельность лаборатории Сибелиуса исключительно одним направлением не ограничивалась. Во второй теме, испытания по которой проходили на территории Афганистана, профессор Максимилиан Гай Сибелиус был только соавтором, хотя и осуществлял общее руководство, поскольку тема разрабатывалась в лаборатории, которую он возглавлял. Но главную работу здесь проводила группа программистов, сумевшая забраться в такие дебри своей науки, которые практически были неизвестны. Однако показывать собственную некомпетентность руководитель лаборатории не мог, чтобы не потерять право оставаться руководителем, и потому по мере сил старался вникнуть в работу, и никто не видел, какое количество литера-

туры ему пришлось проштудировать дома вечерами и в кабинете с задвинутыми шторами. В результате Сибелиус многое стал понимать. Не хватало только таланта программиста, а это талант, видимо, особый, требующий алогичного мышления. Но с алогичным мышлением трудно было работать в других, классических областях науки, и потому профессор остановился на достигнутом малом собственном результате, предоставив программистам решать соответствующие задачи самостоятельно и только делая вид, что все понимает.

* * *

Все манипуляции с открытием разных окон на разных мониторах повторились. И опять прочтение началось с вводной части. Но здесь она была гораздо интереснее той, которую он читал ранее, хотя сами испытания были, несомненно и несравненно, более опасными по возможным последствиям. Но в иной обстановке проводить реальные испытания возможности пока не представлялось. Правда, сейчас капитан Уэйн готовит еще один полигон, и полигон интересный, и делает он это со свойственной бывшему офицеру ЦРУ хитростью. Профессор даже предполагал, что он не сам все это разрабатывает и просчитывает, а на него работает целый штат специальных сотрудников ЦРУ. Но это уже было вне компетенции руководителя проекта. Работают – и пусть работают... Главное, чтобы это шло на пользу делу.

В Афганистане же в испытательную группу входили не только гражданские, но и военные технические специалисты. Там без них обойтись было просто невозможно. Там даже без конвоя обойтись было невозможно, и конвой, если что-то случится, не всегда был в состоянии спасти. Но пока группам испытателей везло – на них никто не нападал.

Вот только с получением результатов были сложности. Но и здесь при последнем испытании помог капитан Уэйн, организовавший через своих знакомых по старому месту службы передачу информации через агента ЦРУ в штабе ВВС Великобритании в Афганистане. Правда, ЦРУ взамен своих услуг поставило в испытательную группу своего офицера – капитана Липарски, скромно назвав его координатором, отвечающим за связь с агентами, передать которых для непосредственного контакта не имеющей к разведке отношения лаборатории было невозможно. Но агентура помогла, как сразу убедился Сибелиус, получать довольно подробную отчетность. И вот, согласно именно этой информации, среди офицеров технических авиационных служб ВВС Ее величества настроение было близко к паническому. Никто не мог понять, что происходит, но все видели, что нечто происходило. Об этом офицеры английских радиолокационных служб переговаривались шепотом и считали, что они стали марионетками в инопланетных экспериментах. Марионетками они стали, но, конечно же, в инопланетных экспериментах, а не в проекте «Цифра», которым руководил профессор Максимилиан Гай Сибелиус.

Как обычно, прежде чем приступить к изучению таблиц и графиков, профессор стал читать вводную часть и не мог сдержать довольной улыбки. Выглядело все красиво, и человеку, обладающему воображением, обещало впоследствии многое.

* * *

Процессор любого компьютера напоминает человеческий мозг, превосходя его в частности, но не достигая совместимости в деятельности различных участков, что не позволяет процессору быть искусственным разумным существом. Ничего особо фантастического в таком предположении вообще-то и не было. Это скажет каждый, кто занимается изучением процессов, происходящих в человеческом мозге. Там тоже все основано на прохождении электрических токов. Но там – через живые клетки, здесь же – через полупроводники. В этом была вся загвоздка. Будут ли полупроводники реагировать на электрическое возбуждение адекватно ситуации? И что вообще в данном случае будет означать адекватность ситуации? Ведь любой

полупроводник и в целом любая микросхема могут попросту сгореть от чрезмерной нагрузки, которая должна была дать посыл к неправильному поведению, несмотря на то что кремниевые пластины, составляющие их основу, весьма стойки к высоким температурам...

Но вопрос стоял даже не о том, выдержат ли полупроводники нагрузку – в конце концов, нагрузку можно регулировать; вопрос стоял о том, как они будут реагировать на возбуждение. Задача профессора Сибелиуса в афганском проекте ставилась в определении диапазона необходимых инфразвуковых и ультразвуковых колебаний, способных вызвать изменение в работе проводников и полупроводников тока. Здесь на первом этапе не могли помочь существующие возможности расчетов, потому что не существовало базовых данных. Сибелиус в течение двух лет проводил эксперименты в разных строго регламентированных режимах. А потом уже, определив систему, произвел теоретические вычисления и определил все диапазоны и направления для изменения необходимых параметров и достижения конечного определенного результата. Группа программистов, подобранная специально из тех, кто не желает считаться с общепринятыми законами программирования, стала вписывать выкладки профессора в процессуальные параметры работы соответствующих программ, переключив их с языка человеческого и числового на цифровой язык. При этом ставилась задача добиться от компьютера очевидных «глюков», точно таких же, какие могут посетить человеческий мозг под воздействием не слабого «цифрового наркотика», а обыкновенного психоделического препарата.

Естественно, у компьютера не может быть воображения, и он не в состоянии создать ситуации, понятные человеку, но компьютеру не знакомые. Программисты при этом опирались на тот факт, что любой армейский компьютер, перед тем как заступить на боевое дежурство, проходит тестирование на работу в нестандартных ситуациях. В базовое программное обеспечение вносится система поведения электронной машины в экстраординарных случаях и прочее. На этих же компьютерах проводятся и все «военные игры», то есть учения для персонала и даже процесс обучения новичков. Следовательно, остатки нестандартных ситуаций обязаны если не системами реагирования и поведения, то хотя бы кусками воспоминаний засесть в памяти компьютеров радиолокационной станции, хотя системы реагирования и поведения тоже должны присутствовать, как устоявшиеся остатки памяти, и программисты использовали это. И эти остатки должны выплыть под воздействием цифровой атаки на проводники и полупроводники, вклиниваясь в работу в режиме реального времени. То есть создавался не вредоносный компьютерный вирус, которому при соответствующей системе защиты трудно проникнуть в организм замкнутой системы, не имеющей часто выхода в широкую сеть. Создавалось оружие, способное вести на любые компьютеры предполагаемого противника атаку извне и потому не определяемое первичными системами обычной системы компьютерной безопасности. И это давало значительные преимущества, хотя и порождало множество собственных недостатков, главным из которых являлось необходимое визуальное наблюдение объекта атаки. Но не бывает оружия без недостатков, иначе все страны воевали бы одним и тем же оружием, их лишенным. Результат же превзошел многие ожидания, в том числе и ожидания самого профессора Сибелиуса. Компьютеры радиолокационной службы начинали «глюковать», но делали это весьма своеобразно, как это и было задумано имеющими чувство юмора программистами, причем чувство юмора, непонятное большинству простых смертных, в том числе и компьютерным операторам.

И потому даже читать об испытании было интересно.

* * *

Отчет подписывал Питер Кэмпбелл, подполковник вооруженных сил США, и он, конечно, не забыл поставить высший гриф секретности. Это профессор Сибелиус в обычной академической забывчивости мог себе позволить такими грифами порой пренебрегать, а воен-

ному человеку подобное претит на генетическом уровне. И Кэмпбелл, служака до мозга костей, никогда о грифе не забывал. Но основу данных отчета составляли показания агента ЦРУ, не представленной даже подполковнику, не говоря уже о руководителе проекта, и потому Кэмпбелл вынужден был только ссылаться на «данные источников капитана Липарски». А эти источники своими рассказами будоражили воображение – причем не только у читающего отчет Сибелиуса, несмотря на всю его сухость нрава и педантичность ученого, но даже у персонала радиолокационных станций Великобритании, обслуживающих полеты английских летчиков. Четвертое испытание отличалось от первого уже точно направленными параметрами. Здесь программисты постарались на славу, имея в своем распоряжении полные копии с жестких дисков английских компьютеров и зная, какая система как реагирует на влияние извне бинауральными посылами. А уже профессор Сибелиус рассчитывал, куда и какой силы звуковую волну следует направить, под каким углом должны идти инфразвуковые, а под каким – ультразвуковые волны и в каком диапазоне должен посылаться сигнал. Важное значение, как оказалось, имеет продолжительность сигнала. Компьютер воспринимал влияние совсем не так, как человеческий мозг воспринимает «цифровые наркотики». Там все было просто – чем продолжительнее сеанс, тем активнее влияние. А компьютеру требовался рваный ритм, причем повторение ударов волны одного диапазона должно отличаться от первого посылы по длительности, поскольку компьютер легко пристраивался к абсолютным повторам. Но в последнем, четвертом по счету, испытании программисты предусмотрели, казалось, все для того, чтобы избежать повторы, взяв за основу метод случайных чисел Джона фон Ноймана. И получили результат...

* * *

Два звена английских штурмовиков вылетели для бомбардировки лагеря талибов, расположенного на окраине городка. Задача ставилась простая – разбомбить сам лагерь и, главное, легкие складские ангары, где предположительно хранились боеприпасы, в том числе и ракеты класса «земля—земля», которые долетали до базы союзников. На живую силу предлагалось не обращать внимания, поскольку талибы, как обычно, нашли бы укрытие в городке среди мирных жителей, а при том множестве уже состоявшихся международных скандалов, что возникли после гибели мирных жителей, нового скандала командованию союзников не хотелось.

Штурмовики, естественно, ушли в полет, успешно выполнили задания, причем после взрыва одного из складов в лагере талибов взрывная волна уничтожила и четвертую часть городка, но в этом уже была вина самих талибов и мирных жителей, которые позволили им поставить лагерь со складом боеприпасов рядом со своими домами. Естественно, все время операции радиолокационные станции осуществляли контроль над полетом, а диспетчер поддерживал со штурмовиками постоянную связь и принимал доклады об успешном выполнении задания. Но в один прекрасный момент на экранах локаторов откуда ни возьмись появились три новых объекта, которые, как показывали те же локаторы, маневрировали и атаковали шестерку штурмовиков с верхней позиции. И связь по какой-то непонятной причине внезапно прервалась одновременно со всеми штурмовиками, чего вообще-то случиться не должно было. Диспетчеры с волнением наблюдали, как гаснут одна за другой светящиеся точки на экранах. Шесть штурмовиков, как оказалось, ничего не могли противопоставить просто невероятно маневренным истребителям-перехватчикам противника, взявшимся неизвестно откуда; идентифицировать их оказалось невозможным. Обычно подлет чужих самолетов локатор улавливал издали. Быть не замеченным локатором можно только на бреющем полете. Но современному истребителю летать на бреющем полете пусть и не в горной, но в холмистой местности равносильно самоубийству. Да и атаковали перехватчики сверху. А локатор оказался неспособным засечь их. Если бы это были самолеты-невидимки типа «Стелс», их бы и дальше не было видно. Но перед началом боя они появились на экранах радаров. Это само по себе было фантасти-

кой, точно такой же, как быстрое уничтожение английских самолетов, поскольку штурмовик и в одиночестве может сам за себя постоять, а тут еще двукратное преимущество в силе. Но штурмовики словно бы и не замечали, что их атакуют, и были уничтожены один за другим.

На диспетчерском пункте и на командной вышке английской авиабазы началась паника. По тревоге срочно были подняты в воздух два звена истребителей-перехватчиков, на предельной скорости устремившихся в ту сторону, где шел воздушный бой. И почти сразу после взлета с перехватчиками тоже почти прервалась связь, хотя с экранов радаров они не исчезали. Лишь временами командир и диспетчер успевали сказать несколько слов и не всегда слышали ответ. А тут откуда-то со стороны появилось еще одно звено посторонних самолетов, присоединилось к первому звену, и все шесть машин противника устремились навстречу английским истребителям. Вести бой на встречных курсах при современных скоростях практически невозможно – ни один пилот не среагирует правильно и не сумеет послать ракету; но никто из противников, как показывали экраны, не маневрировал, никто не набирал высоту, чтобы атаковать сверху. Впечатление было такое, что самолеты не видят друг друга – то есть видят их приборы. И опасное сближение, грозящее лобовым столкновением, продолжалось.

Прекратилось все это внезапно. Шесть английских истребителей пролетели дальше, пропустив, будто не заметив, шесть истребителей противника в сторону аэродрома. И только вдалеке, совершив облет территории, стали разворачиваться и ложиться на обратный курс. А сразу после того, как самолеты мирно разошлись, вдруг появилась связь, и оказалось, что это вовсе и не противник. Это возвращаются на базу те самые два звена штурмовиков, что разнесли в клочья и пыль базу талибов. Те самые штурмовики, которые были несколько минут назад сбиты неизвестными истребителями. Более того, все, что происходило на базе, осталось для пилотов штурмовиков неведомым событием. Они как летели, так и продолжали лететь, никто их не атаковал и не сбивал. Но и диспетчер, и командир авиационного соединения, и другие диспетчеры, собравшиеся перед экраном, – все видели, что происходило. И хорошо еще, что все благополучно обошлось. Перехватчики имели возможность атаковать свои же штурмовики и были готовы к атаке. Только срабатывание системы опознавания «свой—чужой» остановило атаку. Иначе не миновать бы большой беды, и тогда многим командирам пришлось бы попросту расстаться с погонами.

Массовый психоз – вот самая мягкая характеристика, которая была озвучена после этого непонятого события. И то, что последовало потом, тоже было массовым психозом. Командир авиасоединения срочно вызвал из госпиталя сразу трех психиатров, но они ничего не могли сказать точно. Психиатры видели нервное расстройство, но не видели его причин. Тестирование приборов РЛС, что чуть не свели с ума смену диспетчеров, показало их полную исправность...

* * *

В этом проекте все шло даже лучше, чем ожидал профессор Сибелиус.

Конечно, когда работа только начиналась, он не мог к ней относиться серьезно, потому что она предполагала некоторое некорректное очеловечивание обыкновенной, с его точки зрения, электронно-вычислительной машины, своего рода электронный антропоморфизм. И все казалось игрой, на которую можно вытребовать средства. А уже распределять деньги между теми или иными направлениями поиска – это исключительная прерогатива Максимилиана Гая Сибелиуса. Следовательно, он сможет больше средств направить на свои изыскания. Хотя бы на то же третье направление проекта. Здесь испытания собирались проводить под боком. Но первое испытание, назначенное на сегодня, пришлось отложить, как доложил капитан Уэйн, в связи с погодными условиями. Это обидно, потому что подготовка проведена тщательная,

интересная и нестандартная. Но она никуда не денется, и потому с улучшением погоды испытания продолжатся...

Это третье направление проекта «Цифра» тоже было чистым детищем Сибелиуса. Затребовав однажды для своих исследований документацию НАСА по встречам с так называемыми неопознанными летающими объектами, профессор нашел в них то, что искал и с чем был слегка знаком по безалаберным сообщениям в прессе. очевидцы часто рассказывали одно и то же. Ехали на автомобиле по дороге, когда видели в небе то, что они называют «летающей тарелкой». Потом двигатель машины сам по себе останавливался, полностью отключалось электричество, останавливались даже электронные часы, а иной раз и механические часы. При этом все люди ощущали определенное давление в ушах, похожее на шум ветра в предгрозовую погоду, и легкий фоновый гул, словно стремительно падало атмосферное давление.

Лабораторные опыты профессора Сибелиуса позволяли наблюдать в отдельных случаях точно такие же ощущения у людей, не встречающихся с «летающими тарелками» в стенах лаборатории. Значит, дело оставалось за малым – следовало найти необходимую частоту посылки инфразвука, который сможет остановить технику и отключить прохождение тока в проводниках. И он был уже близок к успеху. Причем здесь не требовалось создавать резонанс, то есть работали не бинауральные, а обычные волны. И обходиться можно было одним-единственным генератором, что намного удобнее и практичнее. Дело шло... По крайней мере, отдельные, пусть и нестабильные, успехи в экспериментах присутствовали. Но пока только в лабораторных условиях. И следовало провести полевые испытания, чтобы убедиться в правильности поиска.

К сожалению, пока помешала погода. Но погода, как известно, величина непостоянная и потому не может стать решающим критерием при проведении лабораторных опытов.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

1

– Интересно, сколько сегодня градусов?.. – спросил старший лейтенант Шарапов, пряча руки в рукава бушлата.

– А что интересного? Не меньше двадцати пяти, это точно. В моем детстве при такой температуре школьники до четвертого класса в школу не ходили. А мы взрослые... И думать о температуре не стоит. Не для нас это...

– Аккумуляторы бы в «подснежниках»$\\$F$«Подснежник» – коротковолновая миниатюрная радиостанция малого радиуса действия, состоит собственно из радиостанции, наушника, убираемого в ухо, и мини-микрофона, крепящегося гибким проводником к воротнику. Используется для связи внутри группы.> не замерзли...

– Засунь коробку во внутренний карман.

В качестве иллюстрации последовало похлопывание себя по бронежилету, спрятанному под стандартной «разгрузкой».

– А я что, вместо погона ее повесил? Давно в кармане.

– Там не замерзнет.

– Вам хорошо, – вздохнул снайпер группы старший лейтенант Веретенников. – А мне ночной прицел куда прятать? Ни в один карман не поместится. А там аккумулятор уже слабый... Неделю не подзаряжал. А тепловизор, знаете, какой прожорливый!

Снайпер погладил прицел на винтовке, как гладят любимую собаку.

– Да ты и сам ему не уступишь, – усмехнулся Шарапов.

– Прицел лучше бы в костер сунуть, – посоветовал капитан Агарев. – Быстро отгадет. И всю винтовку можно, желательно без патронов.

ОМОГ$\\$F$ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа.> подполковника Сакратова сидела у костра, разведенного под бурой навесной скалой, защищающей бойцов от ледящего лицо ветра. Обычно в крепкие морозы погода бывает безветренной, но в горах, где эти морозы застали группу, для ветра простор, он приходит неведь откуда, невзирая на градусы, и даже поземку несет под ноги.

Светало быстро. Командир группы встал, вышел из-под скалы и поднес к глазам бинокль, чтобы посмотреть на недавно пройденную тропу. На освещенных участках она просматривалась уже явственно. Только под склоном хребта, в местах, куда еще не проник утренний свет, разобрать ничего было невозможно.

В принципе, рассматривание тропы – пустая предосторожность. Трудно ожидать, что в такую погоду кто-то заберется сюда, к седловидному перевалу. Только лишь по большой надобности. Но и надобность, как показывал осмотр местности, никого в окрестности не привела, и неприятного удара в спину ожидать не приходилось.

– Будем двигаться, – сказал командир. – Хватит задницы морозить.

Группа отдыхала, а не грелась. Этот костерок, состоящий из трех полешек и нескольких сухих веток, прихваченных еще внизу, не давал возможности согреться. Так, скорее моральная поддержка, иллюзия тепла и возможность подогреть консервы не на традиционной малотемпературной спиртовке, а чтобы с запахом костра были. В запасе еще три полешка осталось

– на следующий костерок, если вдруг понадобится; хотя, скорее всего, вряд ли понадобится, поскольку идти осталось немного. Но полешки не выбрасывали. Не велик вес.

Группа легко поднялась, выполняя отданный не командным тоном приказ. Подполковнику Сакратову вообще командный тон был не свойственен. Он всегда говорил тихо, хотя внятно, но его приказы, несмотря на тон, выполнялись офицерами обязательно и безоговорочно. Командира уважали.

Группа затоптала остатки костра и уже была готова к маршу. Шесть офицеров спецназа ГРУ...

* * *

Последний переход до седловины перевала, основательно заваленной снегом, группа шла около часа. Тропу эту проложили бандиты, считающие, что в таких местах, где до ближайшего населенного пункта добираться пару дней, можно не опасаться любопытных следопытов и неугомонных федералов. Чужие здесь не ходят... Однако чужие пришли. И даже знали время, когда им прийти следует, потому что давно минули те сложные времена, в которые бандиты могли рассчитывать на молчаливость своих соотечественников и одноплеменников. Сейчас они уже всем надоели, и случайно услышанной фразы порой бывает достаточно, чтобы начал работать «телефон доверия», что в итоге позволяло провести дополнительную разведку и начать жесткое преследование. И оно началось.

Конечно, тропой пользовались не часто и не слишком большое количество бойцов. Присыпанная снегом тропа то пропадала, то появлялась, однако обозначена была достаточно четко, чтобы ее не потерять. Только на самом перевале, где ветер бывает чаще, чем безветрие, угадать тропу было местами сложнее; тем не менее возможно. На перевале был наст, ходить по нему было бы легче, чем по сугробам, если бы он не был таким скользким. И потому темп движения снизился – а особенно тогда, когда начался спуск. Прокатиться по склону на «пятой точке» желающих не оказалось, хотя такой спуск был бы более быстрым, чем утомительная ходьба по тропе.

Уже через десять метров после прохождения седловины перевала у подполковника в нагрудном кармане раздался «вибровзвон» спутникового телефона. Сакратов вытащил трубку и посмотрел на определитель номера.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – ответил он, узнав номер телефона руководителя операции полковника Савельева.

– Здравствуй, Максим Васильевич. Четвертый раз тебе звоню. Отключал связь, что ли?

– Никак нет, товарищ полковник. Были по ту сторону хребта. Видимо, сигнал со спутника не проходил... Там тропа между скал вьется.

– Бывает. Докладывай обстановку! – Савельев, судя по голосу, был чем-то озабочен.

– Только что миновали перевал, начинаем спуск.

– Успеваешь?

– Идем с шестичасовым запасом. Имейте возможность до начала общей операции выспаться и устать от отдыха.

– Нормально. Остальные группы точно так же. Только взвод отстает на три часа. Их выбросили не в условленном месте. Четыре часа выходили на маршрут, час уже наверстали, но дальше глубокий снег и нет троп. С грузом рискуют завязнуть.

Груз, что нес на своих плечах взвод спецназа ГРУ, легким назвать было сложно: четыре миномета и запас мин для полноценного боя, которые доставить скрытно к месту предстоящей операции другой возможности не было. Но плечи у солдат крепкие, тренированные. Единственное, что смущало и становилось препятствием, – высокогорье и бездорожье.

– Если что, мы и без взвода справимся, – пообещал Сакратов. – С трех сторон зажмем, атака с верхней позиции... Уйти им будет просто некуда и прорваться возможности не будет...

Как все командиры ОМОГ, подполковник Сакратов не любил совместные операции с линейными частями спецназа ГРУ, где подготовка солдат, естественно, не могла сравниться с подготовкой офицеров. Это как в спорте, где есть любители и профессионалы, и сравнивать их подготовку не только сложно, но и некорректно.

– Может быть, и получится, если только...

– Что, товарищ полковник? – Максим Васильевич, понимая, что за подобными фразами должно следовать не очень приятное продолжение, голосом показал заинтересованную обеспокоенность.

– У тебя, кажется, в группе есть два радиоинженера? – спросил Савельев. – Настоящие?

Подполковник Сакратов какое-то время молчал, соображая, к чему может привести ответ на такой вопрос. Начальству тоже не всегда следует откровенно докладывать, что и как могут делать офицеры группы, иначе при каких-то обстоятельствах их могут из группы и забрать.

– Капитан Агарев радиоинженер только по образованию, окончил когда-то приборостроительный факультет политеха; старший лейтенант Субботин радиотехник, работал в молодости на радиозаводе, на конвейере... И все. А какое это имеет...

– Такое и имеет, Максим Васильевич, именно такое. – Голос полковника говорил о не самом лучшем настроении.

– Я спрашиваю, товарищ полковник, про отношение к нашей операции...

– К данной операции никакого отношения. Но у меня из Москвы запросили сначала данные на твоих радиоинженеров, потом данные на всю твою группу и боевую характеристику на тебя лично. Интересовались знанием иностранных языков твоими офицерами. В число оных, как тебе известно, ныне входят языки народов ближнего зарубежья... Потом снова долго пытались относительно боевой подготовленности группы. В том числе интересовались данными о занятости в настоящее время и о возможности безболезненного вывода из операции.

– Нет такой возможности, товарищ полковник. Если снимать вертолетом, то мы всю округу переполошим и предупредим противника о своей активности. Это чревато последствиями для тех, кто останется. Тем более взвод опаздывает...

– А ты попробуй объяснить это командующему! – Полковник даже рассердился. – И мне нагоняй дали. Посчитали, что я умышленно не хочу до тебя дозвониться.

– Командующий должен понимать, товарищ полковник, что на обратный маршрут у нас уйдет полтора дня, а если учесть, что мы шли всю сегодняшнюю ночь и нуждаемся в отдыхе, то целых два. Снимать нас вертолетом нельзя. Быстрее получится дать нам возможность закончить операцию, а после уничтожения банды выслать вертолет прямо на место. В любом случае вертолет сюда полетит. Будут отправлять следственную бригаду, нас и снимут.

– Неужели, думаешь, я этого не сказал? Сказал. И все разжевал. – Савельев даже рассердился.

– И что?

– Ничего... Просили сообщить, когда восстановится с тобой связь. Я вынужден был дать командующему твой номер.

– Связь восстановилась. Пусть звонит, – негромко, но твердо сказал Сакратов. И собеседник, кажется, остался доволен его решительностью.

– Я сейчас ему скажу.

– Но профиль такой, что скоро снова может пропасть. Опять в скалы уйдем.

– Скажу, чтобы звонили быстрее.

– Что, командующий всю ночь в кабинете сидит?

– Когда что-то срочное, он неделями из кабинета не выходит.

– Как и вы...

– Одна школа. Уровень разный. – Полковник Савельев проявил соответствующую должности скромность, хотя был с командующим войсками спецназа ГРУ в одном звании. Однако не секрет, что должность имеет значение гораздо большее, чем звание.

– Я жду, товарищ полковник.

* * *

Командующий спецназом ГРУ полковник Мочиллов сам, естественно, не позвонил – по его поручению это сделал офицер оперативного отдела диверсионного управления ГРУ подполковник Ледогоров, слегка знакомый Сакратову по нескольким мимолетным встречам на недавних командно-штабных учениях, завершившихся «демонстрацией», как называли элементарные показательные выступления бойцов спецназа ГРУ. На учения приезжал начальник Генерального штаба, и «демонстрацию» устраивали специально для него. В качестве образца для постановки рукопашного боя была взята ОМОГ подполковника Сакратова.

– Утро доброе, Максим Васильевич. Подполковник Ледогоров по приказу полковника Мочилова. Полковник Савельев дал нам ваш номер. Можете разговаривать?

– Спуск, Валерий Юрьевич, сложный. Скользко. Упадешь – долго придется лететь... Если что, я прерву разговор. Пока говорите.

Говорить подполковник Ледогоров начал не сразу. Оценивал, видимо, ситуацию и мысленно представлял красивый полет командира группы с горы. Представленная картина восторга не вызвала. И потому, прежде чем продолжить, Валерий Юрьевич прокашлялся.

– У командующего относительно занятости вашей группы есть серьезные вопросы. Появилось новое задание. Очень важная операция. Когда освободитесь?

Сакратов думал недолго.

– Только по завершении текущей операции, Валерий Юрьевич. Иначе никак не получится... – и слова прозвучали так, что возражать не хотелось.

Тем не менее подполковник диверсионного управления тоже попытался проявить упорство.

– Безболезненный выход, если...

– Ни при каких условиях не рационально, – перебил Сакратов. – Вернее, возможно, но это будет проигрышный вариант. Насмарку пойдет работа нескольких месяцев, и под удар подставятся другие группы.

– Снять вертолетом... – настаивал подполковник Ледогоров.

– Вертолет увидят и услышат. Мы уже в непосредственной близости от большой по нынешним временам и чрезвычайно опасной банды. На базе сконцентрировались сразу три, видимо, отдельных джамаата. Планируют что-то крупное, судя по численности. Сразу насторожим и, как я уже сказал, подставим под удар остальные группы. Это чревато жертвами. Кроме того, мы силами своей группы запираем банде проход на перевал. Если нас снять, они смогут уйти от атаки остальных и рассеяться при преследовании. А группа, повторяю, опасная – предположительно около четырех десятков человек. Сейчас такая банда собирается только для проведения крупной акции. И это следует пресечь в корне, до того, как они вышли на простор. Здесь мы их простора лишаем и имеем возможность просто расстреливать сверху.

– Да, передо мной как раз карта района ваших действий. Положение у вас ключевое. Этого нельзя не признать. Тем не менее новое задание по важности не может сравниться с текущим. Потому мы и настаиваем...

– Положение у всех групп, кроме линейного взвода, ключевое. Существует три прохода на базу бандитов, и все они заперты. Линейный взвод во время боя выполняет вспомогательные функции. Они идут с четырьмя минометами. Сядут на склоне и будут минами сверху поливать.

Что касается важности операции, то я повторяю, что снять нас – значит провалить текущую операцию.

Подполковник Ледогоров подумал несколько секунд.

– Ладно, Максим Васильевич, я доложу ситуацию командующему. Пусть он решение принимает. Я вам перезвоню.

Убрав трубку, подполковник Сакратов увеличил темп, чтобы догнать группу. Спуск на верхнем участке выдался в самом деле чрезвычайно сложным, и группа, как видел сверху командир, уже шла со страховочной веревкой. Командиру нужно было не пролететь мимо своих бойцов, но догнать их и успеть подцепиться карабином к страховке.

* * *

– Командир, ты садись, садись, – сказал в микрофон «подснежника» заместитель Сакратова майор Литовченко. – И катись, не стесняйся, а мы ловить будем!

– А если не поймаете? – поддержал обычную для майора словесную игру подполковник. – Вы народ ненадежный. Особенно ты, Михал Саныч... А если поймать не сумеешь? Командир мимо проедет – ты командиром станешь... Красота!

– Обижаешь, товарищ подполковник, – возмутился Литовченко. – Я в детской футбольной команде вратарем служил. И тебя хоть из самой «девятки» вытащу. Катись!

Так, за разговором, подполковник Сакратов догнал группу. И как раз в этот момент ему пришлось снова остановиться, потому что опять позвонил подполковник Ледогоров. Но теперь Сакратов уже защелкнул карабин на страховочной веревке и мог не останавливаться.

– Да, Валерий Юрьевич, слушаю вас...

– Ну, Максим Васильевич, сумел я убедить командующего. Товарищ полковник согласился с вашими доводами. Но имейте в виду, что отбыть следует с первым же вертолетом. И самим желательно побережться, и в бою не лезть на рожон.

– У бойцов моей группы, Валерий Юрьевич, такой привычки нет. Все они собственные организмы сильно уважают. И стараются не подставляться без необходимости... А если уж возникнет необходимость, то тут никуда не денешься.

– Хорошо, мы звонить не будем, чтобы не мешать. Как только будут вести, звоните сами. Мой номер у вас определился.

– Обязательно, Валерий Юрьевич! До связи.

Подполковник Сакратов спрятал трубку. Никто из офицеров группы не задавал вопросов, хотя командир не выключал «подснежник» и разговор был слышен всем. Но в группе было так принято, что командир доводил до общего сведения только то, что считал нужным довести, а спрашивать не полагалось. Это военная разведка, и здесь любопытство, если оно не связано с выполнением боевого задания, не приветствуется.

Группа продолжила спуск, и спецназовцы старались не сбивать себе дыхание разговорами. Спуск был сложным, но они старались все же поддерживать высокий темп, чтобы не потерять запас времени. Он всегда может понадобиться.

* * *

Скалы пошли уже после середины спуска. Среди скал уже и страховочная веревка была без надобности, и потому, отстегнув карабины бойцов, майор Литовченко смотал веревку. Заместителя командира группы часто за глаза звали кладовщиком, поскольку в его обязанности входило все материально-техническое, материальное, боевое и прочее обеспечение личного состава. И казалось, что в обширных карманах «разгрузки» или в рюкзаке Михал Саныча есть все, что может в какой-то момент понадобиться. Там действительно было все, что было

необходимо для конкретной операции, которую просчитывали заранее, и Литовченко готовился к ней отдельно от других, чтобы обеспечить группу необходимым. По сути дела, он был начальником штаба маленького отряда и одновременно начальником тыла.

Тропа начала петлять среди скал и временами уводила чуть не в обратную сторону, но это особенности троп на подобном горном профиле. Если ведет в обратную сторону, значит, другого пути нет, и придется потерять время и вернуться, чтобы потом продвинуться дальше. Но там, где тропа вилась между скал, было уже не так скользко и уклон был не таким крутым, и потому можно было идти значительно быстрее. И группа шла ходко. Здесь помалкивали, поскольку разговоры мешают дыханию. А вперед выслали дозорного. В условиях ограниченной видимости, тем более уже в пределах, возможно, охранной зоны лагеря боевиков, выставить дозорного было необходимо.

Сакратов, умея ориентироваться и без часов и прекрасно чувствуя время, все же посматривал на часы.

– Опаздываем на свидание, товарищ подполковник? – спросил снайпер старший лейтенант Веретенников.

– Слишком рано приходим на свидание. Темп можно сбавить.

– А как потом потерянное время наверстывать будем? – спросил майор Литовченко.

– Потерянное? – не понял командир.

Литовченко поднес к глазам бинокль и посмотрел на тропу, идущую от перевала. Ту самую, которую они недавно минули. Тем самым заместитель показывал Сакратову, куда следует обратить внимание. Максим Васильевич тоже глянул в бинокль.

Группа из девяти человек шла их же маршрутом. Бинокль позволил различить даже бородастые лица и разномастный камуфляж. Это, вне всякого сомнения, были бандиты...

2

Боевики шли рискованно быстро, если учесть, что начало склона было особенно скользким, но они даже не протянули страховочную веревку. Присмотревшись внимательнее, оценив чуть-чуть странную походку бандитов, подполковник понял, что они имеют в своем арсенале «траки» – дополнительные подошвы с шипами-когтями, – позволяющие им не скользить даже на льду, не говоря уже о плотном насте. Сантиметровой длины широкие шипы прочно вгрызаются в наст и позволяют ногам чувствовать себя уверенно. Правда, хождение в такой обуви с непривычки сильно утомляет, но ведь идти в «траках» приходится только по скользким участкам, а они встречаются на тропе не слишком часто. Снять шипованные подошвы не долго.

– Внимание всем! Боевая готовность.

Каждый из бойцов группы сразу же прислонился к ближайшей скале, слившись с ней. Хорошо еще, что бандиты вышли на перевал уже тогда, когда спецназовцы углубились в скалы, иначе они уже заметили бы идущих впереди.

– Максим Василич, – с легкой усмешкой сказал майор Литовченко, – я тут наемдни краем уха слышал, что нашу группу будто бы собираются снять с операции? А ты, кажется, говорил, что снять нас невозможно, потому что мы идем скрытно и любой выход сопряжен с риском...

– Ты о чем? – не понял Сакратов, но легкую ехидцу в голосе своего заместителя уловил.

– Я о том, что Провидение в данной ситуации на стороне нашего командования. Придется принимать бой и себя раскрывать. Мы заперты с двух сторон, и их больше, чем нас.

– А прятаться тебя не учили?

– Разве что спрятаться, – вздохнул майор. – Но они наши следы наверняка видели. И на базе другим бандитам скажут, что видели следы. К чему это приведет, как думаешь?

– Думаю, как поступить... Только не понимаю, при чем здесь Провидение?

– Да все при том же... Или ты не видишь здесь *высшей воли*?

Это был давний спор верующего православного подполковника и рационального атеиста майора. И ни один из них не умел убедить другого в своей правоте.

– Возможно, воля Господа здесь и присутствует, но Бог всегда дает людям право выбора. И я думаю, что нам выбрать и как нам поступать.

– Выбор у нас, признаться, небогатый. Бог на выбор оказался не щедрым.

– Нос потри, – предложил подполковник.

– Зачем? Он у меня не замерз.

– Как раз перед отправлением сюда я смотрел телевизор. Один известный академик давал интервью. И ведущая задает ему прямо вопрос, верит ли академик в Бога. Тот уверенно заявляет, что, конечно, нет. Трет себе нос, из носа сопля вываливается и под носом виснет. Академик по старости не чувствует. Но это вот и есть *Провидение*. Он дал ответ и тут же показал себя старым маразматиком. И даже обидно, что у такого отца, у старого академика, такой сын. Правда, сыну тоже уже за восемьдесят...

– А что отец, товарищ подполковник? – спросил старший лейтенант Шарапов.

– А старый академик был человеком умным и сказал однажды буквально следующее: верить в то, что мир был создан в ходе эволюции, – это то же самое, что положить в ящик кучу радиодеталей, потрясти и уверять, что после этого из ящика получится телевизор. Все...

– Что – все? – спросил майор.

– Все! Отставить теософские базары, работаем!

– Есть план?

– Спускаемся ниже, ищем скалы, где можно сделать засаду. Идем в рукопашку. Атакуем лопатками. Не дать им выстрелить. Снайпер занимает позицию в стороне.

Старший лейтенант Веретенников, слушая задание, выступил вперед.

– С близкой дистанции, с какой только возможно, скорострельностью ты обязан уравнять численность. Стреляешь со спины в замыкающих прямо перед моментом нашей атаки. Не меньше четырех выстрелов. Мы работаем «пять в пять».

– Понял, товарищ подполковник!

Веретенников погладил объемный глушитель своего винтореза. Выстрел снайперской винтовки издали будет не слышен и до бандитской базы никак не сможет донестись, следовательно, шума не поднимется. Это именно то, что необходимо группе.

– Вперед! Ищем место! – внятно и негромко скомандовал командир.

Первое относительно подходящее место подвернулось быстро. Тропа там сжималась скалами до метровой ширины, а сами скалы были чуть больше двух метров. Прыжок со скалы – и атака. Причем удар должен наноситься до того, как ноги коснутся земли.

– Мне здесь устроиться негде, – проговорил старший лейтенант Веретенников.

Подполковник осмотрелся. И неохотно согласился.

– Ищем дальше. В темпе идем, время не теряем. Бандиты быстроногие.

Сакратов говорил вроде бы тихо и бесстрастно, почти сухо, однако в этой сухости чувствовалась воля и умение подстраиваться под любую ситуацию. Не подошло одно место – Максим Васильевич быстро согласился и отправился на поиски другого. Такое умение приспособливаться для офицера спецназа было необходимым качеством. Тем более необходимым было оно для командира отдельной мобильной офицерской группы. И Сакратов им обладал.

Начался поиск нового участка. Было просмотрено еще два варианта, но ни тот, ни другой не подходили. Пришлось спуститься еще ниже.

– Банда подходит к скалам, – предупредил капитан Агарев, наблюдавший за тылами.

– Работаем... – поторопил командир.

Группа двинулась по тропе быстрее, стараясь при продвижении прижиматься к скалам, чтобы не попасть под случайный взгляд. Новый участок нашли не сразу, но все же нашли, и он, кажется, вполне устраивал всех. И снайперу было где устроиться, и для остальных была

возможность атаковать. Единственное неудобство состояло в том, что высота скал, с которых предстояло прыгать, была около трех с половиной метров. Это могло бы оказаться слишком много для быстрой атаки. Впрочем, среагировать и успеть защититься в этом случае могли бы сами спецназовцы, имеющие высокую боевую подготовку. Боевики, как правило, такой подготовки не имеют. Рассчитывать, что противник слабее и глупее тебя, – это, конечно, прямой путь к провалу дела; тем не менее приходилось рисковать, потому что не было никакой гарантии, что где-то дальше будет более подходящее место. И сама ширина тропы, а она здесь составляла около трех метров, давала возможность маневра, если что-то не получилось бы при первой атаке. Впрочем, точно такую же возможность маневра тропа давала и боевикам, способным в критический момент сделать элементарный шаг в сторону, вместо того чтобы смотреть, открыв рот, как тебе на голову обрушивается остро отточенная лопатка. И потому схватка обещала быть острой и обоюдоопасной. Хотя на стороне военных разведчиков был эффект неожиданности, а это всегда уже тридцать процентов победы.

– По местам! Разбираем позиции с двух сторон!

Повторять команду необходимости не было. Бойцы быстро сориентировались, отыскивая взглядом, кому и что больше пришлось по вкусу и кому в каком месте легче было забраться на скалу. Впрочем, забираться помогали друг другу. Сначала один подсаживал товарища, потом тот протягивал руку, чтобы втащить напарника. Не прошло и минуты, как все, кроме снайпера Веретенникова, уже устроились на скалах. Снайперу пришлось вернуться на сорок метров. Он бы и дальше отошел, но тропа изгибалась, и пропадала видимость. И на скалу старшему лейтенанту пришлось взбираться самостоятельно. Впрочем, он с этим делом справился без проблем, и даже винторез, длиной ствола превосходящий привычный «калаш», не помешал снайперу показать свою ловкость. Позиция у него была почти идеальная. Видимость через весь коридор, и от пуль там спрятаться негде. Снайпер, пожалуй, справился бы с задачей и один, но только в открытом бою, когда стреляют друг в друга. Здесь стрельба должна быть односторонней и скоростной, с максимальным использованием преимущества глушителя. Опыт – а Веретенников был снайпером опытным – показывал, что можно успеть произвести четыре выстрела до того, как противник поймет, что находится под обстрелом. В данном случае дистанция позволяла это сделать. Четыре выстрела, а потом в действие вступят остальные спецназовцы и постараются не дать бандитам ответить на обстрел снайпера автоматными очередями. В сложившихся обстоятельствах только полная скоординированность действий в состоянии решить задачу и не позволить бандитскому джамаату демаскировать скрытый подход военных разведчиков. Обеспечить такую скоординированность в состоянии «подснежники», которые вовремя донесут самую не слышимую со стороны команду.

– Все готовы? – спросил Сакратов.

– Готовы! – за всех ответил старший лейтенант Субботин.

– Прялка готов? – прозвучал вопрос к снайперу.

– Готов, товарищ подполковник!

* * *

Вскоре показались бандиты. Шли они торопливо. Первым, естественно, их увидел Веретенников, контролирующий верх тропы, и сразу сменил «рожок» на своем винторезе. Предвидя ситуацию, старший лейтенант загодя приготовил запасной «рожок», чтобы стрелять или стандартными пулями «СП-5», или бронебойными «СП-6». Бандиты шли в бронежилетах. Следовательно, использовать лучше было бронебойную пулю, хотя и обычная «СП-5» бронежилет пробьет на короткой дистанции.

– Я – Прялка, – сказал Веретенников, закончив смену «рожка». – Сократ, как слышишь?

– Нормально слышу, – отозвался подполковник. – Есть новости?

– Вижу бандитов. Девять человек. В бронезилетах. Идут тяжело. Устали. Трое, козлы откровенные, на ходу курят.

– Не профессионалы, – сделал вывод старший лейтенант Субботин.

Профессионалами военные разведчики звали наемников из арабских или еще каких-то стран, бывших офицеров спецназа. Те, естественно, не могли себе позволить такие вольности.

– Не расслабляйся! – сказал подполковник Сакратов. – Трое непрофессионалов, а остальные могут оказаться профессионалами. Одно такого бойца хватит, чтобы наломать дров. Прялка, докладывай...

– Идут, – почти равнодушно, чуть не зевая, доложил снайпер. – Я на всякий случай прилягу – они уровнем выше меня... Хотя смотрят под ноги.

– Не показывайся, – подтвердил решение старшего лейтенанта командир. – Когда пройдут, увидишь?

– Даже услышу. И запах почувствую, – пообещал Веретенников. – От курящих за версту несет.

– Докладывай!

– Идут... – с легким смешком доложил старший лейтенант.

И потянулись минуты ожидания. Наконец наушники «подснежников» донесли до спецназовцев слегка приглушенный голос старшего лейтенанта Веретенникова:

– Они подо мной. Пропускаю, чтобы вам не скучно было. Хотя могу просто сбросить на них пару гранат.

– Гранаты и аплодисменты отменяются, – напомнил подполковник Сакратов.

– Воняют уж очень безобразно. Кто-то из них «Тройной одеколон» или пил, или в штаны лил. Запах убийственный, даже курево перебивает...

Еще через тридцать секунд снайпер, видимо, приподнял голову.

– Первым идет, как я понимаю, эмир. Он время от времени на кого-то покрикивает. За эмиром следует троица курящих. Они опять с сигаретами. Похоже, одну выкуривают, от нее прикуривают следующую, чтобы спички не тратить.

– Сейчас спичками никто не пользуется. У всех зажигалки, – подсказал старший лейтенант Шарапов. – Дешевле и удобнее...

– Значит, газ в зажигалках берегут. Я курящих вам оставляю. Себе беру четверых последних. Двое слегка отстали. Вернее, отстал один. Выдохся, другой его подгоняет... Это все моя клиентура.

– Жди команды, – распорядился Максим Васильевич. – Я их вижу!

* * *

Скалы поверху были обильно присыпаны снегом. А камуфлированные костюмы у спецназовцев не белые, и потому из опасения быть обнаруженными высовываться особенно не стоило. Приближение бандитов наблюдал только один командир группы, да и тот старался смотреть так, чтобы позади головы оставался бурый камень, хорошо устроившийся на плоской «крыше» скалы. Камень закрывал белый фон, и голова не выделялась. Для безопасности Сакратов даже вязаную шапочку опустил, превратив ее в обычную маску с прорезями для глаз.

– Косец! – скомандовал командир, определив разряженность строя бандитов. – Два метра назад. Вот так. По команде будешь прыгать не глядя, смотри только, чтобы не вниз головой.

– Понял! Я постараюсь, – пообещал майор Литовченко.

– Жеглов! На метр в мою сторону.

Старший лейтенант Глеб Шарапов легко сместился ближе к командиру.

– Вот так. Нормально. Остальные на местах. Внимание... Они приближаются... Прялка, сколько секунд тебе выделить на стрельбу?

– Четыре выстрела – полторы секунды... От силы – две, чтобы ствол перевести...

– Добро. Готовность! Атаковать сразу после четвертого выстрела... Без дополнительной команды... Лопатки к бою!

Но малые саперные лопатки и без того уже были зажаты у каждого в руке, а рука была готова в необходимый момент нанести удар.

Максим Васильевич тоже приготовил лопатку и сам сжался в пружину, готовую распрямиться, но продолжал при этом напряженно наблюдать. Важно было точно просчитать момент атаки и не ошибиться. Разумеется, четыре выстрела даже из снайперской винтовки с глушителем, пусть и произведенные в шедших сзади, не могут остаться незамеченными. Кто-то захрипит, кто-то вскрикнет, кто-то со стуком упадет. Остальные среагируют. Первая реакция, как всегда случается, заставит бандитов остановиться, чтобы осмыслить ситуацию. И именно в этот момент следует атаковать. Важно, чтобы они вовремя остановились, хотя ничего страшного не будет, если остановятся через два шага. Тогда придется делать более стремительный прыжок, и не вниз, а чуть в сторону, что даже лучше для удара, поскольку тогда скорость тела будет выше...

– Прялка! Огонь! – прозвучала едва слышная команда.

Старший лейтенант Веретенников не тратил время на прицеливание, потому что, наверное, заранее выбрал цели. В наушниках группы раздались четыре выстрела, почти слившиеся в очередь, хотя и стрелял Веретенников одиночными. Результат видели только командир и сам снайпер, но времени на оценку у командира не было, потому что все пятеро засевших на плоских скалах военных разведчиков одновременно поднялись и шагнули к краю обрыва. Прыгнули все одновременно, и каждый на свою цель.

Лопатки опустились дружно, с одинаковым хрустящим звуком, и только самому командиру группы достался противник, который сумел среагировать и чуть-чуть отстраниться. Лопатка только срезала ему ухо и дальше скользнула по бронежилету. Эмир джамаата, а это был, судя по поведению, именно эмир, оказался подготовленным профессионалом. Он не попытался бежать, понимая, что пуля его все равно догонит, но увидел единственный выход, который давал ему минимальные шансы на спасение. Сам Сакратов при приземлении чуть поскользнулся, удержал равновесие, но потерял устойчивость. И эмир, не обращая внимания на свою кровотокающую рану, бросился к нему. Одной рукой он стал вытаскивать пистолет, а вторую протянул, чтобы обхватить своего визави и им прикрыться. Но и Максим Васильевич оказался готовым к такому развитию событий. Он успел сделать встречное движение корпусом, выставив вперед локоть так, что получился удар, нанесенный даже не рукой, а силой встречного движения двух тел. Противники были оба крепкого телосложения, каждый весил около восьмидесяти килограммов, и потому при столкновении челюсти с локтем пострадала, естественно, челюсть. Бандит упал, не потеряв сознания, и все еще пытался вытащить пистолет, но лопатка вновь обрушилась ему на голову. Второе ухо при этом не пострадало. Максим Васильевич выпрямился и осмотрелся. Остальные офицеры свое дело уже сделали.

– Акела чуть было не промахнулся, – фразой из «Маугли» прокомментировал произошедшее с командиром майор Литовченко.

– Акела исправляет свои ошибки... – тихо ответил Сакратов и наклонился, чтобы обыскать убитого.

* * *

Все обошлось без особого шума, и, таким образом, действия группы можно было считать успешными. Быстро собрали документы. Оружие, чтобы не досталось другим бандитам или местным жителям, если кто-то вдруг забредет в такую даль, привели в негодность. Это, впрочем, сделать не сложно. Снять затворы и закопать неподалеку под скалой вместе с патронами.

Приведением оружия в негодность командовал майор Литовченко, а сам командир тем временем просматривал вместе с капитаном Агаревым вещи и документы бандитов. Только сам эмир, видимо, имел опыт боевых действий, хотя его фамилия ничего Сакратову не говорила. Возможно, он даже в розыске не был, но знать всех, кто находился в федеральном и международном розыске, Максим Васильевич, естественно, не мог. Остальные бойцы джамаата – просто мальчишки из ингушских селений, которым заморочили голову и готовили отправить на смерть. Никто, как обычно бывает, и не думал о том, что может ждать этих мальчишек завтра. Для них уже не существовало завтрашнего дня. Но они все совершеннолетние и сами должны отвечать за свой выбор в жизни. Поэтому угрызений совести за уничтожение вооруженных бандитов никто из военных разведчиков не испытывал.

– Товарищ подполковник! – позвал капитан Агарев, раскрывший рюкзак эмира.

– Что там?

– Ноутбук...

– Это не ноутбук, это так называемый нетбук... – сказал капитан. Он вытащил из рюкзака компьютер, раскрыл и сразу нажал клавишу включения.

– В чем разница? – не понял подполковник.

– Размеры меньше, использует только внешние дисководы или флэшки. Предназначен в основном для работы в Интернете. А где?.. А, вот...

Капитан вытащил из кармашка рюкзака USB-модем.

– И что?

– С ним можно в Интернет выходить. Только здесь это бесполезно. Здесь сотовой связи нет. – Он посмотрел в монитор и выключил нетбук. – Ладно. Здесь спецы должны разбираться. А то я что-нибудь не так сделаю. А спецы все последние сеансы связи отследят, если они были.

– Это верно, отследят. А сеансы были, если USB-модем есть...

– Это еще не факт. Я себе такой же купил... Неделю нормально работал – правда, скорость минимальная. Потом вообще еле-еле... Через мобильник быстрее... Я не уверен, что наш эмир сумел поработать. Вся техника новая, клавиатура без потертостей...

– Ладно. Убери, пусть спецы смотрят. Если есть связи, хорошо. Нет – сами мы их не придумаем... Сколько мы по времени потеряли?

– Около получаса.

– Пора наверстывать. Только доложу командованию...

Подполковник вытащил трубку, посмотрел на монитор. Уровень сигнала был вполне приемлемым для разговора, и он быстро нашел в списке последних разговоров нужный номер.

– Еще раз здравия желаю, товарищ полковник!

– Да, Максим Василч, слушаю тебя. Добрался до тебя командующий?

– Подполковник Ледогоров добрался...

– Это одно и то же. Ледогоров курирует какую-то операцию, где есть необходимость в твоей группе. Просто я сам сразу на командующего вышел, поскольку он в курсе. И о чем договорились?

– К моим доводам прислушались. И, как оказалось, я не зря настаивал.

– Новости? Докладывай! Я запись разговора включаю.

– На середине склона мы обнаружили преследование.

– Вас преследовали? – удивился Савельев.

– Получается, так. Хотя, по большому счету, преследователи не знали, что за нами идут. Обычный джамаат, девять человек во главе с эмиром. Вынуждены были уничтожить, чтобы нам пятки не отдавили.

– Нашумели?

– Лопатки сильно не шумят.

- Добро. Я предупрежу остальные группы, чтобы тоже посматривали. Шли за вами, могут и за ними идти. Документы собрал?
- Так точно. Есть еще нетбук. Это такая штука, типа ноутбука.
- Я знаю. Сам сыну такой покупал.
- И еще USB-модем к нему.
- Понял. Вся технику доставить на базу. Пусть спецы посмотрят.
- Я так и распорядился.
- Есть еще что-то?
- Все, товарищ полковник. До связи.
- До связи!

ГЛАВА 2

1

Торжественные похороны после завершившегося боя в такой обстановке не проводятся. И вообще похороны убитых бандитов – это дело ответственности прокурорских кадров. Тела бандитов не отдают родственникам; их, как правило, сразу после идентификации личности хоронят в общей могиле без выставления надгробий, и только числовой указатель говорит посвященному о том, кто в этой могиле лежит. Это на случай, если придется делать эксгумацию и повторную идентификацию. А то бывало уже много случаев, когда бандита вроде бы похоронят и прекращают розыск, а он потом в новых делах проявляется.

Когда доберутся сюда следователи и прокуроры, этого никто сказать не мог, да и группу спецназовцев это мало интересовало, поскольку они свое дело сделали. Когда все необходимые работы были выполнены, подполковник Сакратов показал рукой направление, которое можно было и не показывать, потому что уйти в сторону не позволяли скалы:

– Вперед! Двинули...

В нужный темп марша все включились сразу, но теперь шли чуть быстрее, чем раньше, чтобы наверстать упущенные полчаса. На всякий случай из рюкзаков убитых переложили в свои рюкзаки «траки», хотя скользких склонов здесь, внизу, уже не предвиделось, а возвращаться через перевал пешим ходом группа не намеревалась. Причем «траков» хватило бы на полторы группы, но забрали их все, чтобы иметь возможность поделиться трофеями с другими группами. «Поделиться» обычно обозначало не простое желание кому-то угодить, а возможность произвести взаимовыгодный обмен. Вот, например, к «Беретте-92», неучтенному трофейному оружию самого подполковника Сакратова, осталось в запасе только два патрона. Пару «траков» вполне можно было бы поменять на пару стандартных двурядных обойм, доставшихся другим спецназовцам в бою с другими бандитами. И обе стороны остались бы довольны...

Чем ниже спускалась группа, тем слабее становился ветер, а температура воздуха заметно повышалась. Мороз уже перестал щипать лицо и стягивать кожу вокруг глаз и рта. В самой долине уже было, наверное, совсем тепло, и там можно было бы позволить себе погреться на солнышке. Если только не помешает предстоящий бой...

Через два часа движения монолитные скалы стали заметно ниже, а расщелины между ними намного шире. И только протоптанная в снегу тропа показывала нужное направление. Ошибиться в правильном выборе пути зимой здесь было невозможно даже там, где совсем не будет скал. Зимняя природа не любит тех, кто прячется, и всегда выдает их по следам.

А скоро и сами скалы стали расступаться и то ли разваливаться, то ли сменяться валунами, между которыми и вилась тропа. Сначала валуны были мощные и огромные, с человека высотой, потом, по мере спуска, становились меньше и меньше, и уже между ними то в одном, то в другом месте стали появляться ели и заросли густого кустарника. А внизу темным сплошным массивом уже виднелся непролазный ельник.

Группа выходила в район боевых действий...

* * *

По мере приближения к лесному массиву маршевая скорость группы начала снижаться.
– Мы, кажется, перестарались, – посетовал Литовченко.

– Чуть-чуть. Не учли, что мы все еще высоко, – согласился Сакратов.

По первоначальному плану группы должны выходить в район непосредственного блокирования банды уже с наступлением темноты, до которой оставалось никак не меньше получаса. Там, внизу, в долине, эта темнота уже пришла. На склоне же было еще светло.

– Привал? – спросил майор.

– Привал, – согласился Максим Васильевич. – Посидим полчаса. Разобраться и не суетиться, чтобы не выдать себя движениями.

Все офицеры группы прекрасно знали, что при рассеянном взгляде издали можно и не увидеть людей даже тогда, когда смотришь прямо на них. Но если начинается движение, и даже не при прямом взгляде, глаз это движение замечает.

– Сейчас бы костерок, – мечтательно сказал старший лейтенант Шарапов.

– Чтобы потом тебя на этом костерке слегка поджарили, – хмыкнул майор Литовченко. – Только командир тебя поджарит раньше, чем боевики успеют подняться сюда. И я ему в этом помогу – за ноги держать буду.

– Спиртовку можно, – разрешил командир. – Она не дымит и не светит. Если есть необходимость...

Необходимости, впрочем, ни у кого не возникло. Согреться от пламени спиртовки невозможно, нельзя даже руки погреть. А подогревать консервы никто не собирался, поскольку в группе обедали обычно все вместе, а это время еще не подошло.

Офицеры расселись за камнями, но прятались уже не от ветра, как по ту сторону перевала, а от постороннего взгляда. До бандитского логова оставалось еще далеко, и с базы, расположенной в глубокой и широкой расщелине на дне долины, их увидеть не могли. Но кто знает, как далеко командиры боевиков выставляют посты охранения... По крайней мере, сам Сакратов выставлял бы в данной ситуации дальние посты на все три тропы, чтобы обеспечить возможность поднятия тревоги загодя и дать возможность подчиненным подготовиться к бою. Впрочем, у малоопытных бандитов, похоже, не принято излишне заботиться обеспечением собственной безопасности. Иначе та же группа, только недавно попавшая в засаду спецназовцев, могла бы доставить какие-то неприятности, если бы выставила впереди дозорного. Тогда и группе спецназа предстояло бы менять тактику. Кардинально это положения не изменило бы, поскольку дозорный тоже стал бы мишенью для снайпера, но все же добавило бы сложности в ситуацию.

«Виброзвонок» затребовал Сакратова для разговора. Вытащив трубку, Максим Васильевич посмотрел на определитель и пожал плечами. Номер был знаком отдаленно, и сразу сориентироваться и вспомнить, кому он принадлежит, подполковник не смог.

– Подполковник Сакратов. Слушаю вас, – ответил он.

– Здравствуй, Максим Василич! Подполковник Варнаков.

– Да, Павел Александрович, я узнал. Как у тебя дела?

Варнаков командовал другой ОМОГ, занятой в операции, и выходил к бандитской базе под прямым углом к группе Сакратова. Судя по карте, если Варнаков уже на месте, то он на расстоянии около трех километров. Номер его спутниковой трубки сообщался Сакратову перед началом операции, но между собой они пока еще не связывались.

– Нормально. Вышли в заданный район. Уже полтора часа отдыхаем. Мне звонил полковник Савельев. Говорил, у тебя сложности? Правда?

– Разрешились. Джамаат из девяти бандитов. Только эмир, наверное, чего-то стоил. Остальные – мальчишки... На убой их повели, как обычно... И даже довести до места не смогли.

– У майора Владим Саныча такая же ситуация. Только у него пятеро шли. Одни мальчишки... Куда этих баранов, интересно, гонят? На какой мясокомбинат?

Майор Владим Саныч, иначе Владимир Александрович Канарейкин, командовал третьей ОМОГ, занятой в операции, и он заходил к бандитской базе с другой стороны, через проти-

воположный хребет, преодолевая очень сложный перевал. Но если этот же перевал время от времени преодолевали бандиты, и даже тропу натоптали, то спецназовцам грех было бы жаловаться на сложность маршрута.

– Как Владим Саныч, не нашумел?

– У него в группе два снайпера. Легко справился. Даже в рукопашку вступать не пришлось. Тебе, я слышал, довелось руки приложить...

– Лопатки, до рук не дошло... У тебя что за обстановка? Разведку произвести успел?

– Потому и звоню. Высылал троих, что белые маскхалаты имеют. Только что вернулись. Я удивлен. Может, данные у нас не точные, и здесь так, мелкая банда?

– Может, и была раньше мелкая банда, но к ней присоединились еще несколько. И еще две планировали присоединиться, но нашими стараниями не успели...

– Но любая крупная банда, насколько я понимаю, имеет силы, чтобы выставить посты хотя бы в три кольца. А у этих только на подходах к урочищу стоит пост из двух человек. Сидят там, разговаривают, курят... Разгильдяи, как необученные новобранцы в первую чеченскую. Сам помнишь, кто тогда воевать шел.

– Помню. Я тогда взводом командовал. Только у меня было три солдата, которых мамочки в армию спровадили, чтобы сыночков не посадили. Пришлось их всерьез «обламывать», чтобы службу поняли. Сделал людьми. Сейчас и мамочки, наверное, благодарны... Один мне пишет время от времени. Институт окончил... А сначала понимать не хотел, что над ним командиры есть. Может, у бандитов та же ситуация? Тебе надо пост выставлять, ты и выставляй, а я своих не погоню... Эмиры обычно друг с другом не слишком ладят, все власть делят.

– Стремление к власти – неотъемлемая часть менталитета кавказских народов. И нам этим следует пользоваться... Короче говоря, я готов выйти на ударную позицию хоть сейчас... У тебя что?

– Ты через лес заходил?

– Да. Густой ельник...

– А у меня открытое место. Жду темноты. Через полчаса двинусь. У Владим Саныча что?

– Тоже отдыхает. Темноты ждет.

– Значит, мы с ним одновременно и пойдем с противоположных сторон. Про взвод ничего не слышно?

– Савельев сказал, что от нас уже на пять часов отстают. Вязнут солдаты в снегу. Груз большой, идти сложно...

– И что, не ждать же их?

– Если к рассвету не выйдут, будем начинать...

– Я бы предпочел начать до рассвета. Выходить на предельно короткую дистанцию в темноте и атаковать. Меня об этом просят и из ГРУ. Звонили... Хотят на другую операцию перебросить. Понадобился срочно. Потому я тоже вас всех торопить буду, не обессудь...

Варнаков, видимо, знал, как умеет торопить командование.

– Подумаем. Как на свою позицию выйдешь, будем синхронизировать «подснежники». Там на месте и определимся.

– Договорились.

– Кстати, тут мои парни вернулись, подсказывают, что сняли с тропы натяжитель к мине – естественно, вместе со взрывателем – и обозначили «растяжку». Тебя может ждать то же самое.

– Спасибо, учтем.

– Тогда у меня все. До связи.

* * *

Полчаса, отведенные на отдых, прошли совсем не так, как время ожидания в засаде. Здесь время летело, и, казалось, не успели спецназовцы перевести дыхание, как быстрые зимние горные сумерки плотно их накрыли.

– Пора. – Первым поднялся подполковник Сакратов.

– Тропу в темноте никто не потеряет? – спросил Литовченко, но никто этот вопрос не удостоил ответом. – Мне некогда будет вас собирать.

– Собирать мне придется, – заметил командир. – Ты передовым пойдешь.

Двинулись сразу, как встали. Что бойцам собирать после привала – рюкзак за плечи, оружие в руки, и вперед. Темп взяли сразу. Только майор Литовченко выдвинулся в передовой дозор, да снайпер Веретенников подключил к ночному прицелу своего винтореза аккумулятор, из-за чего задержался на десять секунд. Естественно, сразу включать аккумулятор не стал, и даже не снял с прицела меховой чехол. Хотя оптике мороз не страшен, для нее опасен снегопад. А мороз страшен для аккумулятора, который имеет привычку при сильном переохлаждении работать в нестандартном режиме, показывая, что почти закончился заряд мощности.

Последний спуск длился около часа. Дозорный время от времени докладывал одно и то же, и ему самому, судя по голосу, было скучно:

– Белое безмолвие. Белый мрак. Ни души кругом.

– Продолжай наблюдение, – коротко, без эмоций отвечал на это командир.

Литовченко продолжал. А дозорным он был выставлен потому, что приближалась конечная точка предварительного маршрута, обычно называемая выходом на позицию готовности, и майор эту точку знал, как и командир; другим же следовало еще объяснять, где она находится.

– Я на месте, – сообщил наконец-то майор. – Тишина... Даже спать хочется.

– Выходим на тебя. Страхуй!

– Готов!

Литовченко в данном случае выполнял обычную работу дозорного. Когда группа выходила на него, дозорный обязан залечь с подготовленным оружием и прикрывать подход основных сил. И это делалось даже там, где сам дозорный никого не обнаружил. Но не всякого и не всегда можно обнаружить, и спецназовцы ГРУ, сами мастера маскировки, прекрасно это знали. Потому страховка всегда считалась естественной необходимостью.

Оставшиеся десятки метров уже не спускались, а шли по чуть-чуть наклонной поверхности в сторону чернеющего ельника, на краю которого майор Литовченко и обязан был остановиться. Майор вышел, когда до него оставалось три шага, и повел рукой в сторону, словно показывал окружающий его мир. Если бы не дыхание бойцов группы, усиленное микрофонами и наушниками «подснежников», этот мир казался бы абсолютно безмолвным. И даже слегка кощунственным было бы разрывать эту тишину звуками выстрелов и взрывов. Но это пришлось бы делать, если бы возникла необходимость. Пока такой необходимости не было.

– Агарев, Субботин! Тропу на километр вперед, и назад... – приказал подполковник капитану со старшим лейтенантом. – Докладывайте по ходу. Осторожно, тропа может быть заминированной – разведчики группы Варнакова сняли с тропы мину и обозначили «растяжку». Под ноги смотрите.

* * *

Максим Васильевич не стал дожидаться, когда ему снова позвонит подполковник Варнаков, а начал звонить сам. Обстановку в группе Варнакова он уже знал, оставалось узнать обстановку в группе майора Канарейкина. Отыскав в памяти трубки номер, Сакратов позвонил.

– Майор Канарейкин. Слушаю, – голос с противоположного хребта отозвался в трубке сразу.

– Приветствую, Владим Саныч! Сакратов.

– О! Вечер добрый, Максим Василич. Думаю, вы уже спустились?

– На месте. Только что прибыли. Выслал разведку посмотреть, что там впереди.

– У меня точно такая же ситуация. Жду разведчиков. Только что с Варнаковым разговаривал. Он дожидается, когда мы объявим готовность. Начнем с синхронизации связи? Я, честно говоря, думаю, «подснежник» с такой дистанции работать не будет. Только когда сблизимся...

– Попробуем. Дистанция паспортной слышимости есть. Правда, предельная, тем не менее гор между нами нет. Должно сработать. Переключатель на шестой диапазон. Пробуем?

– Я уже переключил.

– Переключаю, – сообщил Сакратов и убрал от уха трубку. – Я – Сократ, как слышишь?

Наушник «подснежника» отозвался только угольным потрескиванием, но человеческого голоса не донес. Пришлось снова поднести к уху трубку.

– Связи нет, Владим Саныч.

– Я уже понял... Один треск. Наверное, следует выслать по человеку на предельную дальность, чтобы попробовали оттуда.

– Хорошо. Я Косца высылаю.

– Тогда я – Жнеца. Старшего лейтенанта Крестьянкина. И позвоню сейчас Варнакову, пусть Пахаря пошлет. Это капитан Сохнин. Есть у него такой, позывной – Пахарь.

– Добро. Майор Литовченко уже выходит. Разведчики мои еще не вернулись. Он встретит, они покажут крайнюю точку.

– Хорошо. Как вернутся, созвонимся. Конечно, хорошо бы связь наладить. С трубкой совместные действия координировать трудно.

Максим Васильевич закончил разговор и повернулся на звук шагов Литовченко.

– Давай, Михал Саныч... Ты же все слышал?

– Слышал. Шестой диапазон?

«Подснежник» имел всего шесть жестких диапазонов для связи внутри групп, причем количество радиостанций в группе не ограничивалось. Шестой диапазон считался самым неустойчивым для связи, но имеющим наибольшую дальность. А это было как раз то, что нужно, чтобы все три группы смогли действовать согласованно.

* * *

Ушедшие в поиск капитан Агарев и старший лейтенант Субботин слышали разговор своего командира с командиром смежной ОМОГ, поскольку «подснежник» имеет чуткий микрофон, который улавливает и слова, раздающиеся из трубки, и потому быстро откликнулись.

– Сократ, я – Свеча, – вышел на связь Агарев. – Как слышите?

– Докладывай...

– Нашли «растяжку». Установлена очень неумело. Как эти деятели сами не взорвались, удивляюсь. Снимать рискованно. Маленькой нагрузки достаточно, чтобы в снегопад граната взорвалась. Или даже в сильный ветер. Идти следует осторожно. Оставляю у «растяжки» Четверга, чтобы показал Косцу. Сам иду дальше.

– Сколько прошел? – вступил в разговор Литовченко.

– Метров триста.

– И я уже двести...

– Косец, ты бегом бежишь? – спросил подполковник Сакратов.

– Я иду третьим, следовательно, мне мины и «растяжки» искать не нужно. Я, командир, привык на товарищевой полагаться.

– Толай, полагательный ты наш, – напутствовал командир своего заместителя.

– Я товарища майора уже слышу, – сказал старший лейтенант Субботин. – Топают он, как эскадрон гусар. Бандиты тоже, может быть, слышат.

– А тебя видят, – не остался в долгу майор. – Я тебя вижу.

– Хорошо, что майор у нас не бандит, – заметил уже ушедший дальше капитан Агарев.

– Отставить базары, – скомандовал Сакратов. – Внимательнее работать. Четверг, встретишь майора, можешь возвращаться. Втроем впереди делать нечего...

– Понял, товарищ подполковник. Уже почти встретил, – отозвался старший лейтенант Субботин. – Покажу и вернусь.

– Сократ... – позвал капитан Агарев. – Здесь какие-то чудеса на тропе...

– Что там?

– Тропа ровно идет, но есть обходной след, который снегом забросали. Причем не слишком аккуратно. Даже ночью определяется.

– Должен быть натяжитель для мины. Сам снимешь?

– А кто еще снимет? Пока Жеглов доберется...

В группе был и штатный сапер старший лейтенант Шарапов, однако Агарев всегда считался среди товарищей мастером на все руки и с минами умел обращаться не хуже профессионального сапера. Да и многое другое умел делать не хуже специалистов. Так, например, спиливал замедлитель гранаты. После такой операции граната взрывалась почти сразу после освобождения рычага. Бросать такие гранаты, конечно, было опасно, но для «растяжек» и «картошки» $\\$ «Картошка» – «сажать картошку»: вдавливать в землю или в снег гранату с сорванным кольцом, при этом вдавливать так, что при освобождении у гранаты распрямлялся рычаг и происходил взрыв; обычно «сажают картошку» на тропе, которой пользуются в темное время суток.> они годились как нельзя лучше. И Сакратов, не сомневаясь, разрешил Агареву разминирование. Дело, в принципе, не самое сложное в саперской практике. Необходимо одной рукой придержать натяжитель с прежним усилием, а второй вывинтить взрыватель из мины.

– Меня вот что интересует, – задумчиво сказал майор Литовченко. – Мины и растяжки и на других тропках стояли. И по другой тропе, и по нашей группы шли...

Невысказанный вопрос был ясен.

– Значит, в этих группах был кто-то, кто знал, где они установлены, – сразу понял Максим Васильевич. – Кто-то за группами ходил. Не всем же известно расположение базы...

– Скорее всего, так. Максим Васильевич, что с «растяжкой» делать? Снимать ее – греха не оберешься: только дотронешься, сорвется.

– А ты перешагни, – мудро посоветовал командир. – Веху поставить не забудь...

– Четверг уже выставил. Не прозеваешь.

– Тогда гони дальше. Только не толай сильно...

– Понял, гоню... Свеча, ты где?

– Кажется, пост бандитский. Громко говорят, смеются. Будто бы пьяные.

– О чем говорят? – поинтересовался Литовченко.

– Следует вызвать вертолетом переводчика...

– А что пьют?

– У меня не настолько длинный нос, чтобы туда протянуть и разноухать.

– А ветра нет?

Капитан не ответил.

– Сократ, включаю шестой диапазон.

– Рано еще... Смежники могут не дойти.

– А что им мешает? И мне ничего не мешает подождать...

– Все включаем шестой диапазон, – распорядился Максим Васильевич.

2

Конечно, все военные разведчики услышать другие группы, даже если те перешли на новый режим работы «подснежников», не могли. Но слышать их должны будут майор Литовченко и капитан Агарев. Этого для проверки достаточно.

– Сократ, а здесь на тропе снег сырой, – доложил Литовченко. Ночной морозец еще не пришел...

Сырой снег при отсутствии мороза делает наст не скрипучим и пригодным для скрытного движения.

– Что предлагаешь?

– Ликвидировать пост. Потом подморозит, труднее подобраться будет.

Максим Васильевич думал секунд десять.

– Это уже будет означать, что мы начали, не дожидаясь соседей. А если они еще не готовы? – сказал он нерешительно, но не отказал категорично, поскольку понимал выгоду положения, которую можно потерять через каких-нибудь полчаса. И эта потеря может стать настолько опасной, что будет способна вызвать другие потери, теперь уже личного состава.

– Поговори, командир... Им это тоже не безразлично.

– Да, – согласился подполковник Сакратов и вытащил трубку.

Подполковник Варнаков ответил сразу.

– Максим Василич, мои разведчики уже выходят на дальний рубеж.

– Мои тоже на месте. Говорят вот, что там снег сырой, можно к посту подобраться. Считаю стоит атаковать.

– У меня снизу такое же предложение поступило. Думаю, можем начинать. Я позвоню Канарейкину.

– У меня на связи Жнец, – сообщил Литовченко. – Слышит хорошо. У него прямая связь со своим командиром, можно не звонить. Я сейчас все объясню.

– Ага, – добавил капитан Агарев. – Он сам с тем же предложением выходит.

– Павел Александрович, слышал?

– Нет.

– Мои установили связь с группой Канарейкина. У них такое же предложение.

– Понял! Работаем! Сейчас и мои на связь выйдут, – Варнаков отключился от разговора.

Максим Васильевич спрятал трубку во внутренний карман, жестом подозвал к себе снайпера и кивком показал ему на тропу:

– В темпе на позицию. Включай ночной прицел и страхуй. Косец, до прихода Жеглова не высовываться. Работать только со страховкой...

– Понял. Пусть гонит с низкого старта...

– Гоню, – согласился снайпер и двинулся по тропе очень быстро.

– Прялка, не забудь про «растяжку», – напомнил подполковник Сакратов.

– Помню, товарищ подполковник!

– Косец, втроем справитесь?

– На посту, похоже, только двое. Если есть третий, то, скорее всего, уснул. Мы аккуратно, ползком, из-за кустов...

– Если Прялка их увидит, можно будет и не ползать, – предположил капитан Агарев.

– Они где сидят? – на ходу спросил снайпер.

– На посту сидят, – честно ответил майор Литовченко.

– В яме? Среди кустов? На дереве?..

– Может, и в яме. За кустами не видно. Голоса только слышно, – объяснил капитан.

- Посмотрим, – пообещал Веретенников. – Я уже вижу вешку. Где ее обходить?
- Справа, по краю, – посоветовал старший лейтенант Субботин. – Там Свеча наследил. Специально для тебя утаптывал.
- Прошел... Мину сняли?
- Разминировали, – ответил капитан Агарев.
- Я подходить близко не буду, – сообщил снайпер. – Здесь место повыше. Тут и останусь.
- Устраивайся, только не засни сразу, – посоветовал майор Литовченко.
- Если буду храпеть, разбудите, – попросил Веретенников. – Сократ, слышу переговоры снайперов ОМОГ Канарейкина. Они уничтожили свой пост.
- Я тоже слышу, – подтвердил Литовченко.
- Парней Варнакова не слышно? – поинтересовался Сакратов.
- Пока нет.
- Странно. Они ближе к нам.
- Пригорок, – посоветовал Литовченко. – Шестой диапазон хорош, когда работаешь на открытом пространстве. Пригорок уже мешает.
- Ладно, потом выясним... Прялка, что у тебя?
- Аккумулятор слаб.
- И что?
- Ничего. Смотрю. Боюсь, заряда аккумулятора до утра не хватит.
- До утра далеко. Смотри сейчас. Нашел их?
- Пока не вижу.
- По направлению тропы на два часа, – подсказал майор Литовченко.
- Пауза длилась секунд тридцать.
- Есть цель... – доложил снайпер. – Единичная.
- Двое должно быть. Между собой разговаривали.
- Только одного вижу. Дремлет сидя.
- Второй может спать, – подсказал капитан Агарев.
- Там пригорок. Или бруствер. Что-то типа окопа для стрельбы лежа. Только одного вижу.
- Стрелять можешь? – спросил Сакратов.
- Могу.
- Тогда чего ждешь? Стреляй!.. Косец, Свеча – после выстрела резко вперед. Косец подстрахует...
- Понял, – ответил Литовченко. – Работаем...
- Готовы? – Это Веретенников.
- Готовы...
- Наушники «подснежников» донесли слабый звук выстрела и сразу за этим резкое дыхание бегущих людей. Но добежать до бруствера они не успели. Прозвучал второй выстрел.
- Напарник проснулся, – объяснил снайпер. – Первый, похоже, на него упал. Больше никого не вижу.
- Бегущие не остановились, пока не достигли цели.
- Есть, командир, – доложил майор Литовченко. – Двое часовых. От обязанностей благополучно освобождены. Прялка свое дело знает.
- Все выходим в район окопа.

* * *

Две равные по численности группы быстро соединились.

– Повар... Повар, хоть кто-нибудь из группы Повара, отзовись! – тщетно старался пробиться через эфирные помехи Сакратов, в который уже раз вызывая на связь подполковника Варнакова.

– Сократ, я – Кенар, – вместо Варнакова отозвался майор Канарейкин. – Я так понимаю, что ты Повара не слышишь, а он тебя. У меня с ним связь нормальная, с тобой тоже.

– Между нашими группами пригорок, – объяснил Сакратов. – Мои спецы говорят, пригорок на шестом диапазоне способен помешать установить контакт.

– А на пятом? – спросил Канарейкин.

– А на пятом не потянет, Владим Саныч, – ответил за командира майор Литовченко.

– Если Косец говорит, что не потянет, мне остается только согласиться, – сказал Канарейкин. – Но вот тут Повар подсказывает, что мы начинаем сходитьсь. Дистанция сокращается. Может, через километр можно будет на пятый диапазон перейти?

– Это можно узнать только опытным путем, – громко вздохнул в микрофон Литовченко. – Даже разработчики «подснежника» сами не знают.

– Так что, начинаем движение?

– Начинаем, – сказал майор Канарейкин. – Взвод обещает прибыть только к рассвету. Выйдем на позицию, там все решим окончательно. Со стороны Павла Александровича поступила настоятельная просьба исключить всякую горизонтальную стрельбу. Я полностью поддерживаю такую просьбу. База бандитов в урочище, откуда их не выпускать. Если где-то прорвутся, стрелять в горизонтальном направлении только себе за спину. Иначе мы друг друга перебьем.

– Согласен. – Сакратов слышал, что недавно в подобной ситуации в одной из частей спецназа внутренних войск один взвод перестрелял половину другого. – Это приказ для всех!

– Это приказ для всех! – передал Канарейкин распоряжение своей группе.

Наверное, и подполковник Варнаков приказал своей группе то же самое, но его приказа в ОМОГ Сакратова услышать пока не могли.

– Двинули! – как всегда негромко, но внятно приказал Сакратов и первым шагнул на тропу.

– Двинули, – майор Канарейкин дал аналогичную команду своей группе, находящейся где-то у подошвы соседнего хребта.

Команду Варнакова группа Сакратова опять не услышала...

* * *

Дальнейшее передвижение выполнялось уже не строго по тропе, но в боевом порядке, который требовал наступления развернутым строем. И пусть маленькую группу из шести офицеров было трудно разворачивать в широкий фронт, тем не менее она развернулась довольно широко, и военные разведчики держались друг от друга только в пределах визуального контакта, а это в ночное снежное время было чуть больше десяти метров. И каждый контролировал территорию на половину дистанции от соседа справа и слева и перед собой. Наст уже начал схватываться ночным морозцем и скрипел под ногами, но теперь этот скрип уже мало кого волновал, потому что началась войсковая операция.

Шли через негустой ельник. Но, по мере углубления в лес, деревья росли чаще, стало больше кустов, и строй стал сужаться, чтобы бойцы группы не теряли друг друга из видимости. Хорошо хоть, снег в лесу не был глубоким, и бойцы не вязли в сугробах. Все смотрели себе под ноги, понимая, что подступы к зимней базе боевиков могут быть заминированы не только по тропам, но и по периметру. И такая предосторожность не оказалась напрасной. Уже вскоре в наушниках прозвучал голос майора Канарейкина:

– Внимание всем! Мы нашли две мины. Выставлены вне тропы. Могут быть и с других сторон. Проводим разминирование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.